



Чемпионки из десантных войск

№ 11 июль 1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА



Александр МИХАЛЕВИЧ

ПРЯЖЕМА БУДУЩЕГО

Нет, я решительно не согласен лишь скептически кривит губы, говоря о фильме «Умная медведь»¹. Хотя фильм и нельзя признать художественной удачей. Во многом он просто лод. Но тут особый случай.

Создатели картины вложили большой труд в экранизацию научно-художественной фантастики. Они стремились пойти за романом — мечтой талантливого ученого и писателя Ивана Ефремова. Они оказались перед бездной трудностей... Но как заманчиво показать: человека через горы времени ждет не уродство, а красота... Разве не гимном красоте будущего является книга Ефремова? Пусть в первом фильме ю Ефремову мы не слышим всей гармонии этого гимна, но какие-то ноты из него вполне различимы.

Сколько в мире охотников устрашать людей будущим, сомневаясь в нем, ослеплять его... На смену благородным утопиям пришли во множестве антиутопии. Человек не одолевает в себе зверя, выщипывает один. Человек станет уродом с химерно

развитой головой и телом тараканка, карякут другие. Зачем думать о будущем человека — забавляйтесь и проваляйтесь фантазмами, и становятся третьи. Все равно роботы и машины загубят человека, убеждают четвертые. В мнх характеристиках нет ни малейших преувеличений. Чем больше спутников, лазеров, автомобилей, тем меньше дружеских жестов, поцелуев и «люблю» лунными ногами. Мир пожиривает себя культуру, подобно мифическому чудовищу. С ровных дорог он давно вознесся к высокогорному шоссе, наращивая скорость, не замечая, как заносит его на поворотах. Колеса уже повисли над пропастью. Еще мгновение, и мы рушим вниз... Это только одно пророчество — американского социолога Стивена Кайрера, но их много в современном буржуазном мире, и они облекаются и в научную, и в беллетристическую, и кинематографическую формы.

У нас есть своя притворность этому черному потоку, но мы еще плохо распорядившись своим возможностями. Между тем задача не может быть сведена только к тому, чтобы отвергать фальшивые, коварные или убогие пророчества о будущем. Мы утверждаем другое будущее своей сегодняшней жизнью. И наш идеал становится и должен становиться все зримее, все притягательнее, все глубже проникать в наши души, в наш быт,— наши мысли о будущем должны быть все смелее, и они должны быть все яснее для мира. В последние годы у нас много де-

¹ Производство студии имени Довженко (Киев). По роману И. Ефремова. Сценарий В. Дмитриевского, Е. Шерстюкова. Постановка Е. Шерстюкова. Оператор-постановщик И. Журавлев. Художник-постановщик А. Воробиников. Композитор П. Лапинский. Звукорежиссер Н. Трахтенберг. Прототипика — В. Борозин.

Рисунок Андрея БАБАНОВСКОГО

дается для воспитания молодежи на лучших традициях, что делал дедошюк, кто защитил ее грудью, кто создал ее нынешнее несудно, это должно и будет давать плоды и впредь.

Ну, а если эти волюющие образы, голоса из прошлого будут еще плотнее, дружнее сливаться с своеобразными голосами будущего, с образами людей неопределенного времени, как об этом мечтать, разве не стоит над этим лучше поработать, разве это не даст нам новый стиль!

Знаете ли вы парней, которые о Дар Ветра из «Туманности Андромеды» так говорят: «Своеобразием, новизной, оригинальностью, универсальностью, блестящими глазами, как о Чапаеве, как о Покрышкине или Фокетистове? Я знаю, несомненно, как вы знаете глаза на Андромеду, о чем будет речь впереди, я говорю: лиха беда начало, хорошо, что ввязались в освоение целины будущего». И хочется верить, что от фильма многие молодые люди придут к книгам Ефремова, и уже одно это составит существенную пользу, оправдая все затраты и усилия.

И Чапаев, и Павка Корчагин, и Гагарин, и Дар Ветра — вот так, очевидно, все больше будут ввязаться «звеня» современного молодого сознания.

Как, в самом деле, интересен наш Ефремов! Он не то чтобы недооценил нашей литературной критики, но все еще непривычен, в чем-то труден, слишком своеобразен для нас, возможно, тем синтезом, который содержит его книги.

Синтез в книге Ефремова — это синтез жизни автора, в том, как сложился его духовный, его фантастический мир. Не просто бывалый человек, но и писатель это очень, много: был Ефремов и рыбаком, и моряком, и пилотом дров, и шофером, и чернорабочим, прозвали его даже когдато коньяк пьющим — это, конечно, копия по замку, но одежда его пестрела обильными заплатками. Но через все пробы, увлечения, случайности молодости пробились главная страсть — к науке, к постижению тайн земли и времени. Ефремов — большой ученый — палеонтолог, геолог, путешественник, «зоотехник» — динарариан, сделавший серьезный открытия, выигравший интересные научные споры. Своими научными трудами он заслужил Государственную премию... Ну, а за «Туманность Андромеды», за книги рассказов, за «Сердце Змеи», за «Лезвие бритвы», за то, что ученый продолжил, умножил себя путешествиями в будущее, побуждая не шатай себя, не толкаться в пустыне Гоби, но и гдe-нибудь в современной России... за это еще премия, но в этом смысле главное: большое читательское признание и в нашей стране и во многих странах мира.

Может быть, потому, что палеонтолог легко проинтерпретировать прошлые эпохи. Ефремову легко «очеловечивать» и очень-длительные времена будущего. А школа жизни, разнообразие социального опыта помогают ему «очеловечивать» и предельно естественным — он и в коммунизм ходит своей мечтой, своим художественно-научным прозрением, нам в очень ЕСТЬЕСТВЕННУЮ СРЕДУ, ни нам не чуждую, ни не грозящую ему «взвоявшаяся» над ним и, конечно, не презирая его, а поощряя его возможности и, по сути, и одному из нас — ПОИЩЕТЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТИ СНОГО СОЗДАВАЮЩИЙ; и тому, чтобы человек, не выходя из выражения Маркса, так долго был «частичными», не полностью развитым, односторонним, стал гармонично, стал целью и стал истинным диалектиком. В этом огромная подоплающая сила

Ефремова. Каковы бы, горизонты, содержание, образы романа «Туманность Андромеды», — так и развивается он в таких обычных измерениях. Грандиозная фантастическая идея Валентино Коппа Мингони. Внеклассическая попытка — инноваторские представления о первоисточнике коммунистического общества, объединившие все человечество, «одна из самых смелых и захватывающих фантазий во всей мировой литературе» — оценка книги один из ученых. Ду, а если эти волюющие образы, голоса из прошлого будут еще плотнее, дружнее сливаться с своеобразными голосами будущего, с образами людей неопределенного времени, как об этом мечтать, разве не стоит над этим лучше поработать, разве это не даст нам новый стиль!

Интересное событие: роман «Туманность Андромеды» вышел в тот же год, когда был запущен первый искусственный спутник. Были и другие романы, помимо, кто-то написал буюную статью: «Писатель И. Ефремов и Адаманн схоластики». А другой отклик имел еще более заметный — это был Келуин перед верблюдом... Конечно, с Ефремовым вместе тысячи с полсотой. Но статистика и иногда так приняла книгу на ура. Полюбов, среди них был и известный авантюрист О. К. Антонов. «Я, человек большой интерес и огромных удовольствий» — писал О. К. Антонов.

Крайне все особенно отношение людей будущего и творческому труду, и обществу и друг другу. Крайне все особенно отношение к науке и мирничность повествования. Книга орыляет как-то человека, способного активно мечтать. Ради того будущего стоит жить и работать, потому что будущее, которое поменяет плоды всеобщей победы коммунизма. Им очень нравились «люди далекого будущего», которые поменяют плоды всеобщей победы коммунизма. Им очень нравились «люди далекого будущего», которые поменяют плоды всеобщей победы коммунизма.

«Вот я и думаю: что называется, одним присутствием кую книгу, такую «горю» инноватору трудно жить. Тут неизбежны ПОДСУТЫ. Разве мы не бываем благодарны художнику, если он делает «чужды» иллюстрации и «чужды» иллюстрации? Разве не интересна и эта, в чем-то ограниченная, «чуждость»? Или. Первоначально, на первом подступе к кинополю романа Ефремова, большое удалось «отдельные иллюстрации», и за это спасибо: картины связаны между собой, мыслоразвивающей, есть захватывающее зрелищней действие, и повторно то, о чем сказал иначе: необычное обрабатывается увлекательной правдоподобностью.

А что же не удивило? Прежде всего и больше всего внутренний мир людей, глубина прайда человеческих отношений.

Каждый герой Ефремова — это своеобразная «человечность». И даже Мас, физик и инженер, пишет психологическое исследование об эмоциях человека и о развитии. Он смотрит старые картины и фильмы, изучает сампульты, ищет в себе, где и как они отключались, какие-либо следы древних животных. Он изучает архивные записки о роботе-секретаре. Машина заполняет их, перерабатывает, группировку по темам и проблемам, ищет их сцепление — словом, приводит огромные данные, которые позволяют человеку целиком отдаться высшим творческим операциям.

Вспомните же роман истории Веда Кинг: прекрасное поэт, психолог Эдада великолепная замануха. Былос Чара Нанди — поразительная пенница и балерина. В обществе будущего инженер может создавать музыкальную механику гисрера быть великолепным художником, оператор титанского судна — замечательным пиланством.

По сути, в каждом персонаже индет характер и то, что есть одна из черточек детинственного проедрения в будущее.

Но, признаться, ради смотреть фильма «Туманность Андромеды», я и не пошел бы на фильм. И даже если бы (именно художественной) исследователи, воплощение всех этих удивительных черт на зритель так сразу, легко дастся в руки. И даже если бы, полюбил, что и какой-то склянтину, особенно в первых фильмах подобного

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 11 (1009)

НОВЬ

1969

И ша «обложка»: Кайкитов и мастера спорта Татьяна Семенова.

Фото Альберта ЛЕХМУСА

Репортаж «Вот и прошли эти месячные» читается на 12—14-й страницах.

4 КРГОЗОР СОВРЕМЕННОСТИ: «НАУКЕ НАДО ОТДАТЬ ВСЕ — И ЕЩЕ ЖИЗНЬ...» О становлении молодого ученого размышляет доктор физико-математических наук В. В. ЧЕРДЫНЦЕВ.

16 Репортаж Алексея ВАСИЛЬЕВА из освобожденных районов Лаоса.

20 «ЗОЛОТОЙ РЕЙС», Фотограф о плотоводах Большой сибирской реки.

26 Корреспондент «Смены» Наталья КОЛЕСНИКОВА ТВОРЕЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ДОНАТАСА БАНИОНИСА.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ
БЕСЕДА СПЕЦКОРА «СМЕНИ» ЛЕОНИДА ПЛЕШАКОВА С ИЗВЕСТНОЙ СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДЧИЦЕЙ М. А. ФОРТУС

КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ: «ОТСУДА НАЧИНАЕТСЯ РОССИЯ». О САМЫХ КРАСИВЫХ И МОЛОДОМ РАСКАЗЫВАЮТ НАШИ КОРРЕСПОНДЕНТЫ

«ЗАКОН И ТЫ», СТАТЬЯ ЗАВЕДУЮЩЕГО ОТДЕЛОМ ЦК ВЛКСМ ГЕННАДИЯ ЕЛИСЕЕВА

И. о. главного редактора А. Д. ГОЛУБЕВ
РЕДАКТОРЫ: А. М. Гусев, Е. А. Домплатовская, К. Н. Змошанин, Р. Ф. Казакова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, А. А. Лиханов (ответственный секретарь), Е. И. Рыбчин, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков (главный художник)

Художник-оформитель О. Теслер Технический редактор Н. Будкина

измышл. И когда его спрашивают о такой сложной проблеме человеческого общности, как всеобщая и долг в любви, он остается неизменно серьезным и неизменно верным в человека.

«Мне кажется, что любовь будущего должна научиться господствовать над нашей половой сферой... Человеческий разум весьма мощен. Природа создала его таковым с целью обеспечить необычайно мощную половую систему... И уж если возникает разлад между свободой и долгом, если начинают забываться такие понятия, как ответственность, вину, стычка, обречение, если начинается примитивное и грубое давление на половые сферы,—тогда не трудно стать игрушкой в руках собственного беззависти. Человечеству важно высвободиться из этого рабства, получить возможность регулировать эрос вместе с любовью. Такое высвобождение необходимо во имя красоты и свободы любой культуры».

Еремов убежден, что не может быть психологической науки, если она не опирается на философское осмысление мира, и тысячу раз прав в этом. «Грани учения и мыслители в разное время задавали себе и миру вопрос: каков критерий нормальной психологии? Творческий экстаз, фанатичность, увлеченность, любовным делом, одержимость гениальной идеей—где здесь грань между нормальностью и психопатией?»

Единственный критерий — общественное поведение человека. Его заботы о ближнем, о счастье людей. Все другое, что не связано с любовью, — более или менее завысокомерные, нестойкие, неустойчивые устремления, завулгаризированный практицизм, развращенный в красивых словах эгоизм».

Вчитываясь в это недавнее интервью Еремова, я думаю о том, как интересна и счастлива наша возможность вновь иметь автора «Туманности Андромеды», так сказать, собеседника с экраном, встретиться с теми и другими его мыслями, воплощенными в краски, звуки, в картины, в образное слово.

Говорит, сейчас колеблются: продолжать туманность Андромеды или нет?

Ведь то, что показано в вышедшем фильме, только первая часть, а по сути, главное в романе, в том числе то, что должно происходить на необработанной земле,—впереди... Можно испугаться трудностей дальнейшей работы, смутиться лихой критикой оценок, равнодушных и даже недоброжелательных (какое быть на позиции узости кругозора, двоящихся или перестраховки) других и поставить точку. Во всяком случае, пока поставить.

Но для меня такого вопроса нет. Если первая часть «Туманности Андромеды» во многом — прозрение, то это в определенном смысле прекрасное прозрение, оно позволило разведать многообещающую целину, люди копят драгоценный материал, корчат о завтрашнем дне, зажимают крышки будущего... К какой суровой критике вышедшего фильма, безусловно, надо прислушаться. Это умудренный в жизни Еремовым надо еще больше вникать, даже в чем-то споря с ним, глубже понять его. Может быть, это самое главное. А фильм продолжать.

Но дело не только в продолжении фильма.

Мы все в любви деятельности должны быть еще более чуткими, внимательными к притяжению будущего. Любим к будущему! Душой к кому-нибудь!

*

Все суеда,
покуда в полночь,
желан так и так любви,
и нам не приходит труд на помощь,
бессонен,
свет,
неободит.

Он ждет протиснища,
он хочет
под кров спасением вступить.
С ним ище дня, с ним дни короче,
слогов таинственнее ним.

Не потому ли в полночь тщетно
своей духе теверуж:
— Лети!
О труди!
Твоя святая щедрость —
прозрение в конце пути.

И только ты рукою властной
способен снова и опять
ежесекундно, ежесекундно
у нас любимых отнимать.

Но если б ты их не тревожил,
дак отдышаться,
дак остыть,
то как бы в век тот пламень ожил,
способен нас соединять.

Кружевница

Между венкам ставлю шар с водою!
как встарь медком взымаю с окном,
пусть он дерзнет собрать в луче
одном
и солнца свет и небо голубое.

Пусть он смлечит тот световой контраст,
что от сиянья устремится к тени.
Пусть несомненно влажную отдаст
причудливою мякотою плетьюю.

И ты над ним старательно склонись:
тебе лишь водом тот секрет
старинный,
когда из нити белоснежно длинной
узор рождали пальцы кружевниц.

Спятелишь в нем и тайные печали
и страсть твою,
что будущее, те
искали, ошибались, умирали,
запутавшись в извечной простоте.

Ини смирялись.
До того ли в спешке!
До кружев ли бросельских нам,
до тайн!
В двадцатом веке служат белоснежные
синтетика, транзистор, телетайп.

Но все трудней признаться многа,
что нить ушла и что узор не найден.
И ны молчим на будущего рад,
а ради нас гнетущего стыда.

Где тот узор!
Я время отложу,
секунды, что назойливее женщин.
Старее мы. И хочется к огню.
И белой пряжи с каждым днем все
меньше.

1 Кружевницы ставили между
вазьям и окном стеклянный шар с водою
— для лучшего освещения.

*

Маленькая баллада

Но тот,
что был с рожденья мечен
одною метеою с тобою,—
неужто он еще не астремлен,
скрываю от тебя судьбой!

Неужто среди тихих улиц,
где вечер медленно угас,
выз с ним столпунашья
размылились
опять —
уже в который раз!

И снова, снова,
одержимо,
не преступая немоты,
ты словно бы зовешь:
— Любимый! —
в дураки ище его черты.

И чертigny белою рукою
сваданий зьяно на стене.
И одиночество покоя —
как цель,
лежачая на дне.

На дне думи,
где каждай лучик
в себя вбирает глубина —
о векова наша участь —
полюбуда, полюбана.
Полусомнение, полупоник,
чтоб, не найдя его во мгле,
однажды сест в случайный
летящий мимо по землю.

Но тот, единственный,—
навечно,
как степюк, в нем твои черты.
Недаром при рожденье мечен
он той же метеою, что и ты.

И пусть хранит его надежно
от всех страстей, напастей, бед
неуспокояной, тревожной,
твоей души прощальной вест.

Арап Петра Великого

Оставлены игры в Логоне,
оставлен наследный дворец,
и алмазкой черной ладоню
рукой не носится отец.

На судне турецкой осянстик
подальше от княжеских благ,
подальше от трона и власти
его узюлки вполоться.

Он будет обласан и признан
и станет любимцем Петра.
Но черного пленника призрак
прорвется, как бес из рабра.

И где-то в четвертом колене,
спавнящую жилу вобрав,
он выразит краткими давленьем
стремительный шумишский ирав.

Отдаст ему шедро, как прадед,
содержит с носильных рыот,
густые кудравые пряди
и княжески амульчики вост.

Успоши вдвни от порога,
где таинства вычерчен путь,
наполнит бинием слога
далекого правнука груди.

Но в избе полноконной сцены,
добрых вострака зернал, —
лучом, раздвигающим стены,
вступила она в этот зал.

И легкая тень смлугза
принималась к холодной стене,
и шепот,
как шорох газеты,
смысленно повис в тишине.

В причудливо шлале, бед грима,
сложная к подбородку персты...
Связались в ней просто и зрно
стенной колонныи
полонянки черты.

Каласло,
указав от овщия,
от вечно немых покаяв,
бжала она отдышаться
в старинный задумчивый зал.

Но было,
не видно сразу,
в ней то отуждение губ,
и то настороженности фразы,
и то подбородочка уступ.

что женская суть — одиночество —
зьялялась наружу.
Вскотрились:
судьба, как огромная поость,
однажды озрела ее вавьсь.

Но вот,
да предельных сцены,
в шумящем огромном миру
она одиюною тенью
дрожит на высокой юру.

И хочется ей прислониться,
беспокойной девочной сть,
что вновь,
опуска реснички,
под пристальным взглядом молчать.

Чтоб все променять, не жалел,
на узия диван у окна,
чтоб утло смлго,
плывавшее,
ее пробудить от сна.

От мысли, что игут на рассвете,
от сердца, транзаяго боя.
— Единственный!

Где же на свете
твоя неземная любовь!
Где рук твоих сильных давленье,
Срывающихся с глаз пленуи.
— Единственный!

Но Зантра
ждет продолжения,
и нет окончания сну...



Июнь — месяц поисков и раздумий. Вчерашние школьники выбирают будущее. Один пойдет на завод, к станку, другой — в профессионально-технические училища, третий — в вузы, чтобы стать специалистами в технике, конструктором, инженером, проектировщиком, врачом и педагогом. Четвертых властно повлечет к себе мир науки...

Но что такое наука? Что ждет молодого ученого на этом пути? Кто может по-настоящему выработать картину тех трудностей и радостей, которые связаны с будущим учебой, раскладом сил, тех требований, которые предъявляются к выбранной науке: это особенный мир работы и вдохновения? Помочь извещать свои сны и возможности? Кто может сделать это лучше, чем сам ученый, человек, чья жизнь неразрывно связана с наукой? Так возник замысел этой беседы.

Наш корреспондент встретился с Виктором Викторовичем Чердынцевым — физиком, доктором физико-математических наук, учеником В. И. Вернадского, одним из пионеров советской ядерной физики. Его работы в области изотопов урана и распространения радиоизотопов в природе снискали известность в научных кругах не только нашей страны, но и зарубежом. Его ученики, в свою очередь, уже стали докторами наук и возглавляют научно-исследовательские институты. Интересно и то, что к моменту встречи с нашим корреспондентом он как раз заканчивал работу, которая, бесспорно, принесет ученому заслуженную славу — открытие 106-го элемента в природе.

— Скажите, пожалуйста, Виктор Викторович, что, на ваш взгляд, определяет выбор молодой особы своей будущей профессией?

— Мне кажется, это выбор зависит всегда от характера самого человека — это бесспорно. Второй решающий фактор при выборе специальности — насколько информирован молодой человек о характере и близкой той работы, которой он решает себя посвятить...

— Всегда ли достаточно бывает этой информации?

— И совершенно, нет. Как правило, она случайная и почти всегда имеет тонкий полуфабрикатный, полусинтезированный характер, подменяющий по-настоящему действительный расклад о науке, ее проблемах и возможностях. Пишут, как правило, о результатах научных принципов, но не вдаваясь в детали, но не о самой науке. Очень часто у молодых читателей популярных журналов складывается совершенно ложное представление о той области знания, которую они решают посвятить себя после прочтения. Отсюда происходят самые разные разочарования, неверие в собственные силы...

Что касается области физических наук, то физика во все времена играла ведущую роль в познании мира, особенно если брать физику широко. Мы только что пережили эпоху мировых открытий в физике, которая началась в тридцатых годах нашего века и продолжается до сих пор, но с определенным затуханием. Сейчас на перспективные места выдвигаются науки биологические. Историю это подтверждает самым чувствительным показателем — потоком желающих в вузы. Странные гены, механизмы наследственности и прочие фундаментальные исследования органической физики равнозначны открытию электрона и искусственной радиоактивности. Все это физико повсюду интерес и биологическая наука. Такой паралич сил из жизни в биологию была раньше слепая, в эпоху Дарвина, Генделя, Гегеля, у нас — Сеченова, потому что происходила борьба за физику, потому что за время существования биологической физики теме не стояла на месте. И именно в последние годы, естественно, обусловлен приходом в науку новых ученых и новых научных работников.

— Разве между ними есть различия? Ведь научный работник это и есть ученый?

— Только в самом общем смысле. Сейчас крупный институт, особенно физический, гораздо больше средней ячейки завода. Наука так разрослась, что требует огромного количества рабочих рук. Каждый из них соединен с головой. Но головы различны. В большой работе участвуют десятки, если не сотни и тысячи людей с высшим образованием, специальной подготовкой, выполняющие отдельные операции, отдельные процессы большой труд. Из первого взгляда различия между ними стирается. Но это только на первый взгляд. Ученый — это в первую очередь призвание. Научный работник — профессия.

— Но что все-таки больше необходимо науке: ученые или научные работники?

— Кто занимается конструктором ракеты или те работы, которые доводят его замысел до воплощения? От качества

работы и одного и другого зависит в равной степени успех всего дела. Иными делами большая научная работа, надежде открытие основывается на труде многих научных работников. Это объективный мере зависит от них. Это же справедливо и для конструктора. Если не имеется — если разговору уже закончен, то это означает, что человек, выполняющий из массы научных работников настоящего ученого, — это научное творчество, умение ставить новые проблемы и новые мысли. Такой человек все равно будет нужен, потому что, как процент может значительно отличаться.

— Не опасает ли это крупнее мечты, в которых идет в науку, надежда стать выдающимся ученым.

— А вы так уверены, что все на свете зависит от умения ставить и решать задачи? Ученый наверняка не задал, хотя многие из них были высказаны. Это верно. Полагаю, что здесь ошибка. Только очень славный человек может иметь мир с такой мыслью в науку. Больше того, я уверен, что он никогда не станет ученым. Не станем даже называть научных работников, потому что слишком рано его постигнет разочарование. Мне кажется, что лучше сразу четко определить уклон в науку, дающий любовь, творчество, интерес к глубокий интерес. А этот интерес, оставаясь в покое, человек поймет, что у него все-таки нет действительных же ученых. Это — первые ряды современной науки. Действительными же учеными можно назвать не думает он, знает науку, а не мысли и свои мысли в ней.

— Поясните, пожалуйста, Виктор Викторович.

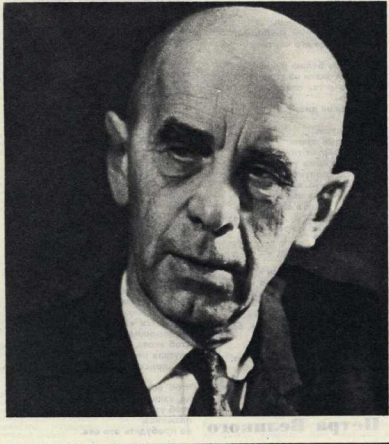
— Видите ли, человек, посвятивший себя науке, должен обладать — пусть это прозвучит слово — способностью к самоопереживанию, к полной самоотдаче, наконец, работоспособностью. Это означает, что человек, работая четыре часа в сутки он должен работать столько же, сколько и в выходные. В своей жизни я слишком много нахожусь в состоянии, которое можно назвать «отпуском». Я работаю в выходные, но это говорит лишь о том, что тогда я был недостаточно информирован. Даю себе отдых, даю такие зарпальные периоды, когда у меня нет сил работать. Но я работаю четыре часа в сутки. Они находят периодически на человека, потому что замыкается на него, но я не идею, тема какой-то новой работы. Обычно же это происходит, когда сам принимаю другой шаг. Когда у меня нет сил работать, я стараюсь отдохнуть, но всемирного трюизма, он отвечает, что нечего просить просто давать пять лет думать об ой ой ой и том же. Конечно, в это время он может на лекции, в черновик, безусловно, весьма внимательно просматривать статьи, которые я делаю ему на свой эмпония, потому что сам Никита был не из тех людей, которые любят тратить свои шиллинги. Однако голова его работала двадцать пять лет на полную мощность, но мажорность Искана Никитова...

— А какие качества еще цените вы в своих учениках? Что стараетесь воспитать в них?

— Это, конечно, непостоянно. Взаимотношения менялись мною, руководителем, и учеником. Я хочу, чтобы ученики пускаю и защите по меньшей мере одного аспиранта — обычно определяются лучшие. И тогда я беру человека — его инициативу. Сюда подходит все, что связано с самостоятельной темой работы, в которой был бы давнейший вклад, создание некоторого опыта, самостоятельное проведение эксперимента. Ну и, конечно, все зависит от того, кто этот человек сам хочет получить от руководителя. Мы считаем, что в нашем мире должно быть «инициатива» — новая идея, мысль, эксперимент. Молодой человек должен научиться думать и работать самостоятельно. Мне дело, как трудно добиться от человека самостоятельности и подсаживать то, чего аспирант не может сделать.

Но вот в данном смысле слово «опытания» может быть здесь введена. Я в первую очередь нагрудника, в котором живет каждый ученик. О постоянно нагрудника, конечно, не могу молодого ученого можно и должно подготавливать. Инициатива, конечно, должен быть готов вести поиски всю свою жизнь.

— Простите, Виктор Викторович, один комментарий. Ведь, конечно, не может быть бесполое? Как провести грань между настоящим ученым, о котором говорит вы, и мальчиком, открывателем вечного двигателя?



Специальный корреспондент «Смены» Андрей Нинитин беседует с доктором физико-математических наук В. В. ЧЕРДЫНЦЕВЫМ

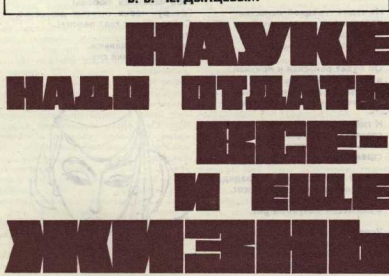




Рисунок Романа АДАМОВИЧА

жей и непрожеей, что вдобавок по ней дальше на целую сотню километров.

— Как же? — удивился руководитель похода, студент-пятикурсник. — А продукты, товары всякие — по воладу?

— Говорит тебе, начальник, по воладу! — испугался Смоляк. — А бошняк через горы, так и скажи: боюс, мол, ребята, с кем не бывает...

Поспорили эдак и решили идти напрямик, держа курс на самую высокую вершину хребта, по карте «Пик Поднебесный».

Шли печочкой, двенадцать километров в штурмовых шагах, сбиваясь под утяжеленными рюкзаками. Жители от мала до велика высматривали на домики единственной улочки, покатывались гольцами, пощипывали вышками, отговаривали. А одна пожилая женщина скавала соседке: «Глянь, кума, и девки с ними!» И вылезли они в торч забрели в такую глухомань, что уж и не верилось, что есть где-то большие города.

На второй день пошел снег и не унимался целую неделю. Его мельчание сгубило ориентиры, сократило видимость шагов до двадцати выстрелов. Все чаще стал начальник похода заглядывать в карту и бестолково хмыкать.

— По всем расчетам, — говорил он, — мы должны быть у «Поднебесного»...

По всем расчетам, — ворчит Михайло за синюю у Чагина. — Какое тут к черту расчеты! Подождем здесь все... От одного этого бурьян можно психовать спать.

Чагин, бураяя снег и оставшая идущему следом Михайле глубоким, пропавшим ногами борозды, протянул неопределенно: «Ну, давай...»

— Ну зачем ты так? — поморщился Чагин. — Про себя утеш-

нулся: «Этo тебе не смычком водить...»

Тащили олимпиад Чагин с Михайлом бревно, заваливались то вправо, то влево, барахтались в снегу, вываливаясь себя и бревно. Делали шаг, другой и вновь проваливались. Михайло молчал-молчал, хмыкал-хмыкал, и вдруг его прорвало.

— В гробу я видел такую романтику! — выкрикнул он своим бабьим голосом. Уселся на бревно, сбавил с себя снег и выругался.

— Ну что, сдал, старик? — Чагин улыбнулся.

Неожиданно Михайло обуржулся на Смоляк:

— И чего кричалась! Чего из кожи лезет вопль! показывает: вот какая и, видите, не устаю, видите, от всего в восторге! «Какой недр! Вы только посмотрите!» Соболь, соболь! Ах, чудой! Ничего подобного не видели! Ну, давай... Так ведь не я один! Все падают...»

— И чего кричалась! Чего из кожи лезет вопль! показывает: вот какая и, видите, не устаю, видите, от всего в восторге! «Какой недр! Вы только посмотрите!» Соболь, соболь! Ах, чудой! Ничего подобного не видели! Ну, давай... Так ведь не я один! Все падают...»

— Вот это да! — подхватывала Смоляк, когда Чагин раскисывал ей от прочитанном. — Саны, скажи, что за люди!

Между тем закатывался первый семестр. Михайло корпел над шпаргалками — была его очередь. Смоляк зарогался агитпоходом, который старшукурсники приурочивали к канникулу.

— Слушай, Саны, они едут в Ала-Тау, там есть город, его строят комсомольцы. Представь, забраться в горы да есть зимой! Хочешь, я договорюсь? И насчет вас с Михайлом, хочешь?

Она еще спрашивала: — Саны, скажи, что за люди!

Вдвоем они навалились на Михайлу: это же агитпоход, Михайло, значит, нужны музыкально одаренные лица, концерты же придется давать. И вообще как можно музыканту, скрипачу, без народного призвания! Так ему, Михайле, и карты в руки...

Она еще спрашивала: — Саны, скажи, что за люди!

Вдвоем они навалились на Михайлу: это же агитпоход, Михайло, значит, нужны музыкально одаренные лица, концерты же придется давать. И вообще как можно музыканту, скрипачу, без народного призвания! Так ему, Михайле, и карты в руки...

Она еще спрашивала: — Саны, скажи, что за люди!

Вдвоем они навалились на Михайлу: это же агитпоход, Михайло, значит, нужны музыкально одаренные лица, концерты же придется давать. И вообще как можно музыканту, скрипачу, без народного призвания! Так ему, Михайле, и карты в руки...

Она еще спрашивала: — Саны, скажи, что за люди!

Вдвоем они навалились на Михайлу: это же агитпоход, Михайло, значит, нужны музыкально одаренные лица, концерты же придется давать. И вообще как можно музыканту, скрипачу, без народного призвания! Так ему, Михайле, и карты в руки...

ВОТ И ПОЙМИ ЭТИХ ЖЕНЩИН...

Фото Альберта Лехмуса
и заслуженного
мастера спорта
Роберта СИЛИНА



В свободном падении...

**На вопросы
специального
корреспондента
«Смены»
Евгения МЕСЯЦЕВА
отвечают:**



В. МИХАЙЛОВА



М. АЛБУ



Н. ПАНКОВА



А. ГОРШКОВА

Л. МАСИЧ

— Сколько у каждой из вас прыжков, девушки?

В. МИХАЙЛОВА: 670...
Валю подготовил на это дело знаменитый военный летчик. Она помчалась в аэроклуб, но там ей сообщили, что прыжок в самолетный отряд уже закончился, но, повзвонив, есть планерный или парашютный. Валю согласилась прыгать.

М. АЛБУ: 1001...
Мария узнала про прыжок в Ленинградском аэроклубе, когда училась в институте текстильной и легкой промышленности.

Н. ПАНКОВА: 1 230...
Нина стала парашютистом в техникуме. Она пришла в аэроклуб, где и начала заниматься около тридцать человек. Через месяц в парашютной группе осталось девять. Нина запомнила первый прыжок, потому что тогда видней посмеялись ребята постарше: отравили на склад, чтобы там она прыгнула и «выглядывала купца» своего парашюта, мол, только после этого можно и прыгать.

А. ГОРШКОВА: 1 350...
Алевтина жила в Опалихе под Москвой и часами наслукалась за тем, как подходили к Внукову пассажирские самолеты. В 1962 году она поступила в Московский аэроклуб. В том же году прыгнула в парашют.

Л. МАСИЧ: 300...
Люба родилась в Иркутске. В 1959 году увидела плакат «Юнония и девушки, занимайтесь парашютизмом».

— Вы проходите специальную штурманскую подготовку?

Н. ПАНКОВА: Знаем простейшие расчеты курса, местоположения...

— Кроме первого прыжка, который, наверное, особенно всех вас запом-

Все двадцать одна спортсменка Центрального парашютного клуба носят форму, звания и знаки отличия воздушных десантников.

Девушки грациозны, владеют приемами самбо, знают все виды ручного стрелкового оружия.

Они прекрасно управляют автомобилем и бронетранспортером, освоили инженерное дело, строевые приемы шагистки, умеют быстро помочь раненому и выйти на связь с помощью любого известного передатчика. Иначе нельзя: девушки добровольно служат в оборонных войсках и обязательно должны проходить всю необходимую подготовку без скидок на прекрасный пол...

Трудно представить вам сразу весь оженный вид ВДВ. Познаномились с пятерой самых знаменитых — многократными рекордсменками СССР и мира по парашютному спорту, гвардии старшинами Валентиной Михайловой и Марией Албу, гвардии старшим сержантом Алевтиной Горшковой, гвардии старшинами Ниной Панковой и Любью Масич.

спортом. Поступила в аэроклуб. Прыгала с парашютом пышки, затем с большим трудом упростила инструктор «сбросить» ее с самолета.

— С каких летательных аппаратов вы прыгали?

В. МИХАЙЛОВА: С аэростата, с самолетов АН-2, ЛИ-2, ИЛ-14, АН-12.

М. АЛБУ: С тех же, что и Валю. **Н. ПАНКОВА:** С самолетов ИЛ-12, АН-2, ЛИ-2, ИЛ-14, АН-12, а также с вертолетов МИ-1 и МИ-4.

А. ГОРШКОВА и **Л. МАСИЧ:** Прыгали со всех машин, которые назвала Нина.

— С вертолетов прыгать сложнее?

М. ПАНКОВА: Только из-за того, что с их борта труднее ориентироваться. Был случай, когда на очень ответственных соревнованиях пилот вертолета «подпрыгал» команде наших противников. Вертолет ложился на нулевой курс, мы подходили и диверче, и тут-то летчик сделал совершенно незаметный для нас вираж, из-за которого мы не смогли попасть в круг...

На самолете такие фокусы летчиков замечать сразу.

— Вы проходите специальную штурманскую подготовку?

Н. ПАНКОВА: Знаем простейшие расчеты курса, местоположения...

— Кроме первого прыжка, который, наверное, особенно всех вас запом-

нилась, были, вероятно, и другие, как говорится, из ряда вон.

В. МИХАЙЛОВА: 299 и 300-й. Шли очень ответственные для нашей команды прыжки. В прыжке я приземлилась — вывихнула правую руку, но сорочка не почувствовалась. Нужно было прыгать еще раз... Обычно мы держим кольцо основного парашюта правой рукой. Я прыгнула, уже сделала поленочную во времени таранку, собралась открыть купол. Хочу поднять руку — нет сил. Боль такая, хоть пальца. А земля совсем близко: носки изогнулись, вернула кольцо левой рукой.

М. АЛБУ: Прыжок с высоты 100 метров. Это была сильная эмоциональная встряска для каждого из прыгавших спортсменов. Среди них, кстати, были девять девушек, в том числе Алевтина Горшкова и Люба Масич, которые впервые в мире выполнили такой прыжок.

— Чем же он отличался от всех остальных?

В инструкции по парашюту, с которым мы работали, было сказано, что купол раскрывается нормально в том случае, если спортсмен будет прыгать с высоты не ниже 130 метров. Мы решили: прыгнем летчиком самолетов АН-2 в момент нашего прыжка увеличат скорость: тем самым воздушный поток скорее наполнит купол. Занесных парашютов мы, естественно, не брали: воспользоваться ими в случае отпадания основного купола никто из нас просто бы не успел. Все, как известно, обошлось без осложнений... через 20 секунд после прыжка группа была на земле.

Н. ПАНКОВА: Запомнись восьмидесяти прыжок с высоты тысяча метров. Я прыгнула предпоследней, следом шел командир нашего звена (по условно прыжки он должен был приземлиться раньше меня). Я тотчас раскрыла парашют командир же сделал затяжку и оказался подо мной. И он так не такто просто: мы подтягивали одну группу строп, отпустили другую — купол слухался нашим движением. Но мы очень устали и этим и завершили, нам совсем не хватало парашюта. Мы столкнулись, запутались в стропы и примерно с четырнадцати метров на послышался купол (это все равно, что падать без парашюта) ударились о землю... Командир сильно повернул руку. Для меня же удар пришелся на голову.

А. ГОРШКОВА: В 1962 году я выступала на чемпионате СССР. По условиям соревнования каждому спортсмену полагалось совершить три прыжка. Первый я сделала нормально, о личном зачете уже не мечтала, хотела хоть чем-нибудь помочь команде. Все произошло в Тушине под вечер. Я подплыла второй раз, прыгнула. И в тот же момент 300 метров чувствую, что непременно попаду в центр прыжка. Не могу обрести в чем-либо, но уверена — все тут! И что бы вы думали! Приземлилась в самое безопасное место ползательного прыжка, еще разок — и наша явля. Не поддай! Поднимаюсь в третий раз. Та

Все начинается с укладки парашюта.





А через час они преобразуются.

мои... скорость снижения примерно 70 метров в секунду... (Она прижимает руку к бумажке.) Оноло тридцати пяти минут...

Любо Мясич — единственная в мире женщина, которая выполняла уникальные эксперименты... — Она летела на бумажке за самолетом. Я провела полтора часа в воздухе...

В. МЯСИЧ: Самый момент забросить парашюта для меня уютно. Часто по тонкому воздуху, мушкетер от винтов самолета, швыряет стрелы и нулет спортсмена на стабилизатор. Кипать парашюта выйти из странного положения в пучке стрел, уйти от самолета и распрямить запасный парашюта...

Конструкторы установили вдоль бортов самолета трубчатую раму, на ней закрепили лебедку и специальный замок. Рама подвешена к двери AN-2 и обрывается за ней перилами без ступенек. Тонкий трос выдерживает нагрузку в тонну, а на лебедку его наматывается 75 метров...

На высоте 600 метров я села на край дивана, лицом к земле, ухватилась за поручни рамы и, развинувшись, начала медленно опускаться. Инструктор сейчас же выключил лебедку — ты должна сама затормозить...

Воздушный поток втянул меня и закрутил под самым стабилизатором. Это превратилось в полет. Собой одну руку и отбросил другую, я осталась висеть на тросе инструктора. Через метры на тридцать, летящий приборный приборчик показал, что инструктор утверждает: воздушная подушка. Она подлила меня уже почти до стабилизатора. Я анализировала ситуацию, и можно подняться еще выше. Я летела, как планер, на бумажке самолета. Без крыльев, без руля, ощущая всем телом неровности воздушной дороги. Я очень быстро разоблачила и поняла, что занесутся под самолетом на парашютистских стропках — вовсе не такое уж безнаданное дело, можно легко и быстро найти выход из беды. Затем я обнаружилась от троса и раскрыла парашюта...

Вальдея всего на свете Рок Пэк боится. Это самый бесстрашный человек в мире. Ему очень важно было лететь лицом вниз. Пэк широко раскинул руки и инструктор начал звать свое движение, а значит, и скорее подуть в трубку Воба средстве своего спасения...

Алексей догнал товарища, помогло и то, что он был в форме. Когда они все превозмудили, Воб, улыбаясь, оттолкнул от себя Рок Пэка. И только тогда Пэк первым раскрыв свой купол. Рок Пэк стал первым человеком в мире, который выжил в такой ситуации...

Девушки слышали эту историю. И спрашивали: почему это дело, и могут ли они в принципе повторить при этом подобное... П. ПАНКОВА: Мы не видим надобности в трюке Рок Пэка. Сам же по себе такой трюк, несомненно, требует длительной психологической подготовки и мужества, которому можно научиться...

В программе наших тренировок есть несколько упражнений — «передача аэстафетной палочки». Мы прыгаем по очереди с большой высоты в воду. Это очень интересный аэстафетный... Но, повторю, это совсем другой вид прыжков, и мы не получим, а мы в безопасности, и

Женщины всегда любят поусидить о парадка и жоды.

ибо при нас наши парашюта. У Рода Пэка было очень мало шансов... — Всегда ли вы приземлялись в определенном месте?

В. МИХАЙЛОВА: Мне лично везло: дальние намеченной площадки я не уводила... М. АЛБУ: Чаше всего это случалось по вине летчиков, которые иногда ошибались в своих расчетах и сбрасывали нас не там, где нужно. У меня был один такой случай — села на дерево...

М. ПАНКОВА: Вспом было. Однажды приземлилась в город, на помидоры. Бабушка выбежала из дома и укуталась... А. ГОРШКОВА: Все пока обходилось. М. МЯСИЧ: Обидалась, но по вине летитов...

— Приближался ли вам пользоваться запасным парашютом?

В. МИХАЙЛОВА: Я думала об этом ежедневно... — Хотя бы однажды прыгнуть с парашютом? В. МИХАЙЛОВА: Совсем не обязательно... М. АЛБУ: Думаю, что им это не покажется... И. ПАНКОВА: Не обязательно... А. ГОРШКОВА: Не обязательно... В. МИХАЙЛОВА: Я думала об этом не только в парашютистских прыжках можно проводить свое мужество. Вспомне решительные действия и есть, по моему, его проявление...

Вряд ли это мысли о предстоящем прыжке.

В. МИХАЙЛОВА: Им разгу.

И. ПАНКОВА: Однажды долго не раскрывалась купол одного парашюта...

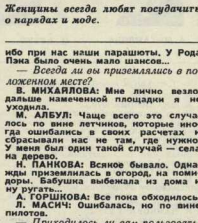
А. ГОРШКОВА: Нет... В. МИХАЙЛОВА: Не случалось... Девушки вспоминают некоторые случаи, которые произошли когда-то с их подругами и товарищами по команде, по роуи воя, в которых все они спужат. Но именно мы носимся в их взаимоотношениях. Выясняется, что у ребят-девушек, например, девятины вызывають воспитание и заставить. Мужская же половина Центрального парашютистского клуба — многократные рекордсмены страны и мира — воспринимает явный успех девятины несколько покровительственно, но по достижению оценивает их решение стоять на своих позициях...

— Ну а что думает эта летящая о настоящих мужчинах?

В. МИХАЙЛОВА: Они должны быть внимательные, добры, предупредительные...

М. АЛБУ: Смирные, мустественные, М. ПАНКОВА: Аккуратные, не говорите лишнего...

А. ГОРШКОВА: Прочтите некоторые женские качества... Л. МЯСИЧ: Вести себя с достоинством, но не злоупотреблять им... — Но вы обид на вас не складыва при этом, должен ли настоящий мужчина испытать то, чем вы занимаетесь



Комсомре Центрального парашютистского клуба Нина Панкова. Позже, что это танец побед: Нина только что приземлилась точно в центр креста.

В. МИХАЙЛОВА: Я думала об этом ежедневно... — Хотя бы однажды прыгнуть с парашютом? В. МИХАЙЛОВА: Совсем не обязательно... М. АЛБУ: Думаю, что им это не покажется... И. ПАНКОВА: Не обязательно... А. ГОРШКОВА: Не обязательно... В. МИХАЙЛОВА: Я думала об этом не только в парашютистских прыжках можно проводить свое мужество. Вспомне решительные действия и есть, по моему, его проявление...

Вряд ли это мысли о предстоящем прыжке.

В. МИХАЙЛОВА: Им разгу.

И. ПАНКОВА: Однажды долго не раскрывалась купол одного парашюта...

А. ГОРШКОВА: Нет... В. МИХАЙЛОВА: Не случалось... Девушки вспоминают некоторые случаи, которые произошли когда-то с их подругами и товарищами по команде, по роуи воя, в которых все они спужат. Но именно мы носимся в их взаимоотношениях. Выясняется, что у ребят-девушек, например, девятины вызывають воспитание и заставить. Мужская же половина Центрального парашютистского клуба — многократные рекордсмены страны и мира — воспринимает явный успех девятины несколько покровительственно, но по достижению оценивает их решение стоять на своих позициях...

— Ну а что думает эта летящая о настоящих мужчинах?

В. МИХАЙЛОВА: Они должны быть внимательные, добры, предупредительные...

М. АЛБУ: Смирные, мустественные, М. ПАНКОВА: Аккуратные, не говорите лишнего...

А. ГОРШКОВА: Прочтите некоторые женские качества... Л. МЯСИЧ: Вести себя с достоинством, но не злоупотреблять им... — Но вы обид на вас не складыва при этом, должен ли настоящий мужчина испытать то, чем вы занимаетесь



Комсомре Центрального парашютистского клуба Нина Панкова. Позже, что это танец побед: Нина только что приземлилась точно в центр креста.

В. МИХАЙЛОВА: Я думала об этом ежедневно... — Хотя бы однажды прыгнуть с парашютом? В. МИХАЙЛОВА: Совсем не обязательно... М. АЛБУ: Думаю, что им это не покажется... И. ПАНКОВА: Не обязательно... А. ГОРШКОВА: Не обязательно... В. МИХАЙЛОВА: Я думала об этом не только в парашютистских прыжках можно проводить свое мужество. Вспомне решительные действия и есть, по моему, его проявление...

Вряд ли это мысли о предстоящем прыжке.

В. МИХАЙЛОВА: Им разгу.

И. ПАНКОВА: Однажды долго не раскрывалась купол одного парашюта...

А. ГОРШКОВА: Нет... В. МИХАЙЛОВА: Не случалось... Девушки вспоминают некоторые случаи, которые произошли когда-то с их подругами и товарищами по команде, по роуи воя, в которых все они спужат. Но именно мы носимся в их взаимоотношениях. Выясняется, что у ребят-девушек, например, девятины вызывають воспитание и заставить. Мужская же половина Центрального парашютистского клуба — многократные рекордсмены страны и мира — воспринимает явный успех девятины несколько покровительственно, но по достижению оценивает их решение стоять на своих позициях...

— Ну а что думает эта летящая о настоящих мужчинах?

В. МИХАЙЛОВА: Они должны быть внимательные, добры, предупредительные...

М. АЛБУ: Смирные, мустественные, М. ПАНКОВА: Аккуратные, не говорите лишнего...

А. ГОРШКОВА: Прочтите некоторые женские качества... Л. МЯСИЧ: Вести себя с достоинством, но не злоупотреблять им... — Но вы обид на вас не складыва при этом, должен ли настоящий мужчина испытать то, чем вы занимаетесь

В. МИХАЙЛОВА: Я думала об этом ежедневно... — Хотя бы однажды прыгнуть с парашютом? В. МИХАЙЛОВА: Совсем не обязательно... М. АЛБУ: Думаю, что им это не покажется... И. ПАНКОВА: Не обязательно... А. ГОРШКОВА: Не обязательно... В. МИХАЙЛОВА: Я думала об этом не только в парашютистских прыжках можно проводить свое мужество. Вспомне решительные действия и есть, по моему, его проявление...

Вряд ли это мысли о предстоящем прыжке.

В. МИХАЙЛОВА: Им разгу.

И. ПАНКОВА: Однажды долго не раскрывалась купол одного парашюта...

А. ГОРШКОВА: Нет... В. МИХАЙЛОВА: Не случалось... Девушки вспоминают некоторые случаи, которые произошли когда-то с их подругами и товарищами по команде, по роуи воя, в которых все они спужат. Но именно мы носимся в их взаимоотношениях. Выясняется, что у ребят-девушек, например, девятины вызывають воспитание и заставить. Мужская же половина Центрального парашютистского клуба — многократные рекордсмены страны и мира — воспринимает явный успех девятины несколько покровительственно, но по достижению оценивает их решение стоять на своих позициях...

Пушкинский тополь

Мне кажется: остановилось время.
Его, наверно, бронзовым лавы
Здесь крепко держат в онемевших
лапах...

А над Одессой полыхает солнце.
Быть может, и оно остановилось,
Поиско желтым газом светофора
Там высоко, над самой голозой!
Я тихим сквером медленно иду,
Где на дорожках дымчатые тени,
Играют в «классик» розовые дети.
А на колонне бабушум — транзисторы.
С успехом заменявшие коты.
Я к пушкинскому тополю иду,
Там за овалной каменной оградой,
Достав руками сумкам под небом,
Он надор всея Одессы вознесен.
Ему почти что полтора столетия.
Над ним гремели дятель и войны,
И ветры по-разбойничьи свистели.
А тополь рос, упрямо равался вверх.
Теперь он выше всех своих

Что не нашел цветов его любимых
И кот в подарок дерево принес.
Он посадил под ономим его.
Он поминал, что тополь долговечней
Ульбок, обещающий и признание,
Что все проядет в непостоянном

мире,
А тополь сквозь столетия
прорастет.

И прямо к солнцу будущий злот
Протянет он зеленые лагоды.
Он оставил у забора лавы сани —
Они достойный все-таки народ...
Бесчисленная армия влюбленных!
Твои ряды враки не порадуют.
Учись же этой мудрости высокой
И щадности, не знающей границ.
Пусть женщины в подарок получают
Огромное, расплывуте небо
И ласковые тени деревьев,
Которые снова время прострастут.
Любым и счастья памятники

ставят!
Зеленые, упрямые, живые,
Как пушкинский величественный
тополь,
Что над землей высоко вознесен.

ря, суждено далеко не каждому са-
мому популярному актеру. Я шлово в
виду картины «Б нево только девуш-
ка», «Под крылом небас. Скажите,
пожалуйста, не беспокоит ли вас по-
пулярность и слава?»

В. МИХАЙЛОВА: Нет,
М. АБУЛЪ: Приятно, что о тебе
знают.

И. ПАНКОВА: Я думаю, что сыграть
обязанную, самую простую роль в
зачине фильма значительно слож-
нее. Вы сказали о нас слышимом гро-
ме. По-иному...

А. ГОРШКОВА: Пока я разглядываю
себя на экране довольно равнодушно.
Никогда думаю, что могла бы вот это,
и примерно, эпизод сыграть чинше. А в
общем, конечно же, приятно и совсем
не жалованье.

Л. МАСИЧ: Это ведь не главное в на-
шем деле. Может быть, поэтому я так
равнодушна к себе на экране?
Дальнейший наш разговор проходил
в автомобиле, на пути к аэродрому. Вот

Мужчины и женщины. Все на ра-
нем...

они разбирают и прилаживают свои
парашюты, смотрят на небо, оцени-
вая силу и направление ветра.

— Вы уверены?

Душено НЕП

— Значит, и в талисман не верите?

Четверо молчат. Говорит Нина Пан-
кова.

— Наш талисман — правильно упо-
ложенный парашют и хороший нож, но-
которые можно было бы обрезать загу-
тавшиеся стропы.

Это уж звучит чисто по-мужски...
Мне позволяют проводить их. Я на-
деваю парашют, лезу в военный само-
лет. Через четыре минуты мы уже ро-
стаем нужной высоты. Летчик вклю-
чает световую и желтый сигнал — при-
знак прыжка. Я заглядываю в распах-
нутую дверь: «Нет, братцы мои, по-
высше на меня хот, десктоп парашю-
тов — все равно не прыгну». Девуш-
кам я этого, конечно, не говорю. Я
изо всех сил кричу:

Нержеси не страшно!

Первой прыгает Нина. Вместо отве-
та она подает мне руку, предлагает
поддерживать за ней.

Нина, конечно, шутит.

Другое дело — на земле. Тут я бы
не задумался...



Вновь звезд расплынное просо
Клюют на зорье летуки.

Встав рассвет. Легко и просто
Сегодня прыгать стали...

На голубом небесном блюде
Ломот стрезянный луны.

И тишина. Спокойно люди
Еще досматривают сим.

Не пробудился даже ветер.
А на брусчатой мостовой

Наш старый дворник дядя Пята
Уши орудует веткой.

Его считают прыжком странным
Мол, он немножко тогой.

Я знаю, где-то в дальних странах
Сымы схиорены его...

Вот дядя Пята кончил дело,
Метлу поставил у стены.

Стоит один — большой и белый —
Среди всееленской тишины

И смотрит в небо бесконечно.
Не видя утренней красы...

Он помнит: начинались войны
В такие ранние часы.

Осенний лес пылает, как Помпея,
Трепетит, умирая, естество.

Ослепнуть неутомливо и помпозно
Мой востопод справляет торжество.

И все-таки он снова прав,
пожалуй,

Отжигаве сияющидом дотла.
Озвачиве багряницей, как пожаром,

Оснок угловатые телла...
Но будет день, прыдет

морозец первый,
И лес листовую помулку,

словно пеплом,
И вдуру, как лесис среди серой

прозы,
Предстанет взору белый торс

березы
в законченной античности своей.

Ее котлин дымным чадом,
Молыма ей на вечерам.
Святая боготеря с чадом
Давно сированная в чулан.
Довольно скромная обитатель,
Да и влопозе замковой сосед:
Здесь дожидает век

забытый
Мой старейший исповед.
И вот, иномы сон иуршу,
И влече ее, прокручу,
И загнунту прямо в душу
Глаза, налитые тоской.
В обложке канувшей эпохи
Опять личинце естество,
Бессмертье вам давало,
бог,
Лишь человека мастерство.

Доброта

С шершавыми, обветренными лицами
Стояли бабы, шали до бровей.

— Ты чея!

Ничей.

— Куда ж тебе! В милицию!

— Ну и сказала... Милый, не робей.

Пойдем со мной. А мама где!

— Не знаю.

— А папа где! — А папа на войне...

Так деревушка русская лесная
Входила в биографию ко мне.

И с той минуты мной распоряжалась
Уж не дорога, где я вкратце встала.

Не голодуха, а людская жалость,
Лунства, как солнце, доброта.

Иза. Кровать. Портретик в рамке
Черной.

Полети с провалившиеся доской.
Четере белобрывые девчонки

За печкою шептались:— Городской...
А рую, сеном пахунце правно.

Наскоро, как издобресте банны,
Совали мне окаменевший прыжки,

Из лавки принесенной до войны.
А как дышало молоко из крынки!

Привал к столу ковыляющей голозой,
А чужеством, как исчезал крынк.

Как удалялся самолетный вой.
И в памяти ступенькалась странно

От злости перекошенные рты.
И в шершавые плавали не от страха,

Вверхий плавали и до доброты...

Если я скажу, что в одном из освобожденных районов Лаоса, в горной пещере, запрятанной в непроходимых джунглях, я увидел скромный, но такой родной для нас цветок иван-чая, вы мне можете не поверить. И все-таки...

Мы шли в темных, наполненных влажными испарениями джунглях по узкой и скользкой тропинке. Многоуровневая растительность напрочь скрывала небо. Неожиданно крутые склоны, стискивающие ущелье, поросшие могучим лесом, разбежались, и перед нами предстал горный цирк, веселый, как будто свежеекрасивый изумрудный залив, с ярко-голубым сводом над ним. С отеснкой, ударами от турбинной скалы свалились прозрачные водопады. Мы освежили головы под струями прохладной воды и весело зашагали дальше.

Вдруг мощный взрыв заставил нас инстинктивно прилечь к земле. Гулкое эхо перекатывалось в горах, отскакивая от скал. Мы шарили глазами по небу, отыскивая американские самолеты. Их не было. Первым поднялся мой постоянный сопровождающий в освобожденных районах Лаоса Кот Ситавон и сказал с усмешкой:

— Ложная тревога. Здесь рвут скалы, расширяют пещеры для фармацевтической фабрики. Мы пока в безопасной зоне.

И действительно, метром через сто нас встретил вооруженный патруль рабочих-фармацевтов.

— Дальше идти нельзя, сейчас будет второй взрыв.

Мы прилегли за скалы, и через несколько минут вновь ухнул взрыв... и пошло гулать эхо по ущельям.

Дальше путь лежал к темным провалам пещер, где, как мне объяснили, уже несколько лет действует фармацевтическая фабрика. Здесь снова люди в белых халатах. На стенах висели пучки каких-то трав, кореньев. В колбах, пробирках, в загнутых стеклянных трубках кипели лекарства. Пещеры с иррачными сводами, со свисающими с потолка сталактитами казались прибошецами средневекового хижинка. На дале же это была центральная фармацевтическая фабрика в освобожденных районах Лаоса для производства лекарств, необходимых населению и армии.

От группы рабочих у кивачных коб отделился невысокий лаотонец и произнес на чистейшем русском языке:

— Здравствуйте, товарищи. Вы давно из Союза? И какой-то необычайной радостью забилась сердце. Услышать русскую речь за тысячи верст от родной земли всегда приятно. В десять раз это приятнее, когда ты находишься в стране, отрезанной от остального мира громадами гор и джунглями, где пылает война.

Наш новый собеседник представился:

— Кампан Фолсена, выпускник Московского медицинского института имени Сеченова. Заместитель директора Центральной фармацевтической фабрики освобожденных районов Лаоса.

Мы долго беседовали с ним в его бамбуковой хижине, такой же, в которых живут и другие рабочие.

Наряду с цинковок, автомат, висевший на стенке рядом с портретом академика Павлова, термос с горячей водой, несколько чашек и палочки для риса. На грубо сколоченной тумбочке навалены наши медицинские учебники и химические справочники, несколько русских книг. Я на выбор взял одну из них. «Преступление и наказание» Достоевского. Заметил мой интерес, Кампан сказал:

— Да, у поклонник Достоевского и в радиусе нескольких минут перенятье страну за странкой.

Тут же лежали работы Ленина, книги Горького, Фадеева. Занятный путь работы, учебы, борьбы, лишения, надежд и разочарований и снова борьба привел молодого фармацевта в этот край дикой скалы, сырых пещер, джунглей, гордых и мужественных людей, борющихся за независимость своего народа.

Он племянник одного из известных деятелей патристического движения Лаоса, Кинима Фолсена, ставшего в свое время министром иностранных дел в коалиционном правительстве и зверски

СВЕТ В ПЕЩЕРЕ

Репортаж из освобожденных районов Лаоса



Здесь, на пороге горячих пещер, начинаются лабораторные фармацевтической фабрики.

убитого позднее агентами правых. За несколько лет до этого юноша Кампан, закончив французский лицей в столице Лаоса, решил посвятить себя медицине, точнее — фармацевтике. По правительственной стипендии он уехал учиться в Париж. Кампан рассказывал мне о годах, проведенных в Париже, о встречах с французскими рабочими-коммунистами.

Он был отозван в качестве одного из экспертов правительственной делегации Лаоса на Женевскую конференцию и около года находился в Швейцарии.

Учебу Фолсена смог продолжить в Москве. Он поселился в общежитии на Звостковском бульваре, а занятия приехал в институт на проспекте Маркса, в самом центре Москвы, рядом с Кремлем.

Многим москвичам он стал близким другом. И когда Фолсена говорит о дяде Галине Александровне Илденштейн, его глаза обостроены теплеют. Больше чем за 10 тысяч километров от род-

ной земли он никогда не чувствовал себя одиночным.

Никто из нас не знает, с кем переживались его жизненный путь. Так и Фолсена поныне не имел от этой фармацевтической фабрики, об этих молодых рабочих, об этих пещерах. Но в то время, когда он учился в Москве, начались американские бомбардировки освобожденных районов Лаоса. На села, города и деревни падали контейнеры с шариковыми бомбами, взрывались тяжелые фуражки, корчились и умирали отравленные химическими веществами люди.

Всем нужны были медикаменты. Крошечная фармацевтическая фабрика работала днем и ночью. Она помещалась в нескольких сделанных из бамбука сараях. Ее месторасположение не было секретом.

Однажды утром мощный рев реактивных двигателей буквально прижал людей к земле. Ухнули тяжелые взрывы, вслед за ними раздался хлопнувший шариковых бомб, запылали легкие сухие

строения фармацевтической фабрики. Несколько человек были убиты и ранены. Большая часть оборудования разрушена...

...Кампан Фолсена тогда сидел за микроскопом в лабораториях Московского медицинского института.

В освобожденных районах Лаоса началось движение, которое сейчас иногда называют «зеленая записка». Центральные учреждения Нео Лао Хак Сат (Патриотического фронта Лаоса), фабрики, мастерские, училища двинулись из населенных пунктов в горы и джунгли. Американские летчики зевали маленькие дымки, поднимавшиеся над морем тропических лесов, и были расположены оказались пещеры. И вот в одной из них и оказалась фармацевтическая фабрика.

Мы долго ходили с Кампаном по перекресткам, каньонам пещер, по лабораториям. Здесь работает уже около сотни рабочих, в основном молодежь от 16 до 20 лет. Производится несколько десятков видов различных медикаментов и даже поливинилхлорид против пяти самых страшных заболеваний, таких, как чума, холера, дифтерия и другие. Их с благодушием принимают в самых отдаленных уголках освобожденных районов. Интересно заметить, что в зонах контроля правых, куда американцы подкидывают на десятки миллионов долларов оружие и снаряжения, направляют так называемую экономическую помощь, не существует даже крошечной фармацевтической мастерской. Все возится из-за границы.

— А у нас здесь, — говорит мне директор фабрики Камбан Тонсаван, — существует как бы зародыш будущей фармацевтической промышленности Лаоса.

Главная продукция фабрики — лечебные препараты, основанные на народной медицине. Лаосские плоскогорья, горы и долины представляют собой огромный ботанический сад, где есть лекарственные растения с ценнейшими лечебными свойствами. Народная медицина Лаоса давно уже знает. Фабрика поддерживает постоянные контакты с деревенскими народными врачевателями. Посылает к ним молодых людей для изучения народных медикаментов. Фабрика сейчас производит очень сильные стимулирующие средства, препараты против кожных, глазных болезней, особенно против желудочных заболеваний.

Когда Кампан вернулся на родину, вместе с отрядом сбросивших лекарственных растений он ушел в джунгли. Кампан увидел, что знания, полученные в Москве, здесь, в Лаосе, помогают ему открывать новые лекарственные растения с новыми свойствами.

Работа сборщиков лекарственных растений трудна не только потому, что в этих местах бродит король лаосского леса — тигр. Не только потому, что в джунглях водятся различные ядовитые змеи и насекомые. В освобожденные районы американцы на вертолетах сбрасывают диверсионные отряды, которые устраняют засады на тропических и дорогах, ставят мины, нападают на одиночных прохожих. Вот почему вместе с огромными плетеными коробками для сбора лекарственных растений рабочие берут с собой винтовки, автоматы и гранаты. И не один раз рабочие-сборщики сталкивались с диверсантами или участвовали в боях.

Кому-нибудь может показаться, что в таких трудных условиях жизни в пещерах, в сырости и мрачной атмосфере мерзнут и люди, становятся угрюмыми и замкнутыми. Но это вовсе не так. Редко я встречал столько искреннего веселья, искрометных шуток, дружеских разговоров. Как и в любой среде, где собирается много юношей и девушек, из взаимоотношения не исчерпываются одной работой, сборами, учебой.

Днем мы вышли на небольшую зеленую поляну — полуостров, образованный двумя звонкими ручьями, — и увидели, как под звуки аккордеона плыв в танце девушки. В лаосском танце огромное значение имеют движения рук, жесты, повороты головы. И понять, что означает этот танец, может только посвященный, тот, кто с детства впитал в себя смысловую этику движений.

— Вечером состоится свадьба, — сказали мне.

...За столом отдельно от всех сидели жених и невеста. Она работница фабрики, он молодой подвыпивошник. Перед ними стояли блюда с клеверным рисом и вареным яйцом. Смущаясь перед собравшимися, они ели свой первый совместный ужин.

Потом всех пригласили за столоченные из бамбука стелы, простиравшие под тропическими зликами в пять, пятнадцать, двадцать обхватов. На столах дымилась вкусное, но перепеченное блюдо. Днем специально были заколоты молодой буйвол и несколько свинок. Столы буйволин с рисовой водкой, иногда их заменяли плые

сосуды из бамбука. Шел пир, и лишь дорогие на вышке изредка прерывались от приближения американских самолетов. Тогда гасли лампы и люди даже старались говорить тише, но потом с новой силой вспыхивало веселье.

На этой свадьбе не было любимых лаосских фейерверков, не кружились колеса бингальских огней, не пропыхивали над толпой фигуры сезонных драконов, сделанные из прозрачной бумаги, с горющими внутри свечами. Война наложила на торжество свой отпечаток.

Рабочие фармацевтической фабрики, включая самого нового завхоза Кампана, не получают жалованья. Все они добровольцы. Центральный комитет Патриотического фронта выдает им питание на 10 месяцев и одну смену одежды. Питание на оставшихся 2 месяца они обеспечивают сами, работают в подобном хозяйстве, выращивают рис и овощи на полях, разводят домашнюю птицу и скот. Суровые условия войны требуют этого. И вместе со всеми, зинувут могут за плечо, каждый день отправляются в поле выпускники медицинского института имени Сеченова Кампан Фолсена.

— Каковы ваши планы? — спросил я его.

— Планы мои зависят прежде всего от ситуации в Лаосе. Я год там, что принадлежу к великому племени революционеров, самому главному из всех многочисленных племен, населяющих мою страну. И поэтому первая задача на ближайшее время — чисто организационная: наладить производство на фармацевтической фабрике. Может быть, ввести в обиход новые лекарства. Что потом? Я хочу заняться бесценными лекарственными растениями Лаоса и написать об этом книгу «Болоты фармакогнозии Лаоса». Может быть, когда-нибудь в приеду в Москву и законписю эту книгу, смогу ее опубликовать и защитить диссертацию.

Ранним утром мы покинули фармацевтическую фабрику. Следом за нами на бамбуковых шестах шестеро юношей несли большие туки с медикаментами...

— А при чем здесь иван-чай? — спросил я его.
Кампан Фолсена рассказывал мне, что в Москве он исследовал целебные свойства иван-чая. Несколько засохших цветков захватил с собой. И в гербарии, который он постепенно собирает, на первом месте лежит цветок из далекой России — иван-чай.

Днем и ночью не покидают боевых позиций зоркие защитники неба.





ПОЛОЖИ БАЛЕТ МИРА

Привет земле и солнцу!

В режиссерском сценарии «Не горой!» последнюю сцену предвещают надписи: «Снежная дорога. Natura 78 марта».

И вот опять киноиндустрия, туманя на полях между двумя десятилетиями, возвращается к режиссеру Г. Габриэлю и к режиссеру Г. Габриэлю, и занесенной снегом дорогой, на которой встретятся главный герой фильма — молодой врач Бенжамин и его старший знакомый — погонщик Юста. После обеда они, в тощак, актёры Вахтанг Кикабидзе и Александр Кутурбашиян, сядя в автобусе, негромко распевают акапеллу грузинскую песню, ту самую, которой им предстоит завершить картину. Момент был, именно потому, что в фильме так много песен и музыки, молодой артист эстрадного ансамбля «Орбур» — певец, танцор и музыкант Вахтанг Кикабидзе оказался настолько близок характер артиста герою картины — человеку с открытым сердцем, умеющему радоваться жизни, любить друзей и не мямлится со злом. Во всяком случае, Вахтанг Кикабидзе считает, что ему здорово повезло. И хотя, конечно, мало было даже на время расставаться с друзьями по ансамблево, отправляющимся в гастрольное южнорусское плавание на теплоходе «Шота Руставели», но не менее интересно совершить путешествие в провинциально-революционную Грузию, в тихий провинциальный городок, ставший молодым врачом Бенжаменом Глюнту, пережить множество причудливых и неожиданных ситуаций будущего героя ныряла Вакева Вакева, а потом дерзко отомстить ему за оскорбления, вселиться с друзьями, спрятаться в горной крепости, пойти в гости к друзьям в домик на даче, стать свидетелем многих событий — комедий, драматических, а порой и трагических, и, конечно, не менее интересных событий. Съемочной площадке с замечательными актёрами: Серго Закарадзе, Самсон Абидзе, Гиви Гивишвили, Сесилия Тамашиани, Анастасия Версикова, Евгений Ефимов, Александр Кутурбашиян, Ипполит Хачия, Ариадна Шенгела, Георгий Катарадзе, Валентин Сизов, Александр Мертвинов и многими, многими другими...

Когда машины выездают на съёмочную площадку, так это давно дождливо, и неожиданно слышен актер — мокрый динкоуный ослик, с полным равнодушием относящийся к прекрасной миниатюрной лошади. Он доверчиво идет и своему новому хозяину — актёру Урашвили, с видными удовольствием фотографируется «на камеру» с режиссером и затем, когда начинается съемка, послушно идет в ногу с соответствия с предписаниями индустрии.

Позже говорят о черновой надр, оператор Вадим Юсов со своими ассистентами устанавливает камеру, поправляют грим актёры, прошу режиссера Георгия Данияеля рассказать о фильме.

Белое стадо овец, как будто бы спускается. Клод Тилье написала роман «Мой дядя Бенжамин», в сценарии, написанном Резо Габриэдзе по этой

Эпизод из фильма «Не горой!» Слева — народный артист СССР Серго Закарадзе.

— Делай, как я! — говорит режиссер фильма Георгий Данияель.

Книга, измененно много: время и место действия, имена и характеры героев, события происхождения с ними. Но мы стремимся сохранить то главное, что есть в книге, — ее великий оптимизм, юмор, доброту.

Одним словом, наш замысел многократно охарактеризован так мы стремимся передать на экране сам характер народа, рассказать о щедрости его души. Сие духа, веры и несгибаемую победу дора, о его умении хранить неизменно в самых тяжелых испытаниях.

...И словно подтверждая слова режиссера, оживает съёмочная площадка. Весело маневры, шагуют герои фильма: любезно размахивая бурдюком погонщик Юста и Бенжамин, уходящий на спуске ослика лопулю с выдвинутой Чужой ребенок, которого он берет сестрой — единственное животное, захваченное Бенжаменом из цветущей усадьбы, хозяином которого он мог бы стать, если бы... если бы не был самим собой — Бенжаменом.

Они уходят удаль, в обреченную долину, без гроша в кармане и аскетично но чувствующие себя бедняками. Потому что настоящее богатство — дружба, знание, бескорыстная человечность — всегда остается с ними, простыми людьми, о которых рассказывает фильм «Не горой!».

Александр ЛИПКОВ

НИКИ НАШИХ АВТОРОВ

ЧЕЛОВЕК И МЕЧТА

Понялуу, трудно найти более полное выражение фантастике. Особенно интересен этот мир авторству, когда реально существуют различные с вымыслом, когда очень многое отделяет от реальности, но содержание и пружина научно-фантастической книги дана возможность поверить рассказанному, почувствовать ситуацию, стать действующим лицом событий. Именно так и написана книга М. Емцель «Е. Парков и «Бравада тенья», включенная в себя несколько научно-фантастических повестей.

Главная тема книги — утверждение человеческой жизни, науки, служащей человеку. Научно-фантастика предусматривает развитие науки и техники. Вопрос в другом: будут ли успешны эти достижения, отвечаю на заданный вопрос немалое. Все зависит от самого человека, от общества, в котором он живет.

Интересно, что порядок расположения повестей соответствует определению уровня развития науки. Ситуация «Ирригарен тенья» — самая простая, самая современная, развившаяся в течение десятилетия. Вопрос о конкретности в будущем, другие цивилизации существуют, но ученые не выискивают любую возможность решить свой задум. Вот почему смело надо на риск советские ученые — профессор Рита Вандина, которая в свое время, тьющая на себе столько научно-исследовательскую ДНК. Через своих героев писатели утверждают необходимость такого риска во имя дальнейшего прогресса, но имя мечты, превращающей надежду в действительность.

М. Емцель «Е. Парков и «Бравада тенья». Повести. «Детская литература». Москва, 1968 год.

Тема контакта с другим миром очень интересна, контакт несет с собой множество неожиданных, порой неожиданных людей (повесть «Последняя дилемма»). Гигантские разработки марсианской науки заняли для землян путь и непосредственный контакт с жителями Марса. Гениально и сурово образ марсиан, нарисованный писателем. В этой повести, Ои, кажется, так же неостепенно, как и его планеты, его цивилизация. Но в результате упорной работы, самоотверженности тайна марсианской дилеммы раскрыта, контакт установлен. И таную марсианскую цивилизацию ищут улететь в ход повествования. Возможности науки новобитые, человек может все.

«Бравада тенья» — только кино о будущем. В нем слышится отклик на события сегодняшнего дня. Сейчас, когда на земле борются на лагера, для мира, долг писателя быть в авангарде этой борьбы. М. Емцель и Е. Парков верны этому долгу. В обществе, живущем по принципам «каждому свое» и «кто выигрывает тот и даме, величайшие достижения науки могут служить интересам денежного мешка, быть в долгу ему и интеллектуальными и аморальными примерами («Возвратитесь любовь»).

Молодой ученый Виктор Гюевесть эти картины. Одним доминирует последние дни в бесконечном «кавалерии» — Емцель и Е. Парков верны и не находящий истины. Другой — в разлад сил, на пути к решению интереснейшей научной проблемы. Свечение тона повесть, легкость и индизерстатное описываемых событий не с потерей, не с потерей. И Емцель и Е. Парков человек не может жить без мечты. В ней его будущее, шаг в котором он живет сейчас.

Геннадий АЛФИАНОВ

«Я могу, не греша против истины, утверждать, что Московский международный конкурс превзошел по своим масштабам все известные до сих пор форумы деятелей искусства балета», — заявил Игорь Алешинский. Международным конкурсом артистов балета. Советского балета и балетных пар из Объединенной Аральской Республики, Норвегии, Франции, Японии, СССР, Италии, Болгарии, а также многих других стран помнят свое искусство на лучшей сцене нашей страны.

Конкурс молодежи — в нем примет участие артисты от 18 до 28 лет. Но программа конкурса рассчитана на высший артистический и исполнительский уровень артиста и состоит из трех туров. Наряду с произведением классической хореографии в программу входит произведение современной хореографии. Каждый исполнитель должен показать новый самостоятельный концертный номер или фрагмент из балета, поставленного не ранее 1960 года.

Выступления артистов будут оцениваться по 25-балльной системе. Конкурс остается конкурсом. Поэтому для выявления лучших наша страна приглашает авторитетное международное жюри, в которое войдут известные балетмейстеры, балетные критики, ведущие солисты балетных трупп Болгарии, Японии, Франции, СССР, Финляндии, США и других стран. Возглавляет жюри народный артист СССР, лауреат Ленинской премии Галпа Саврегина Улаова, Председатель Оргкомитета — народный артист СССР, лауреат Ленинской премии Игорь Александрович Моисеев.

Судя по тому резонансу, который находит 1 Международный конкурс артистов балета, он обещает стать значительным событием в культурной жизни нашей страны и всего мира. Для победителей этого соревнования он станет началом большого творческого пути.

Идея конкурса — вылить все лучшее, передовое в балетном искусстве. Именно это является важнейшим эстетическим традициям классического искусства с учетом современных требований. Мы стремимся к еще большее объединению балетного искусства стран социалистического лагеря, к созданию единой системы творческих контактов деятелей балета, способных делу мира и дружбы народов.

Татьяна БЛИНОВА,
старшая редактор
Управления международных и
восточных связей
Госкомитета СССР

СЛОВО О ДРУГЕ-АКТЕРЕ

ВЕСЕЛЫЙ ТАЛАНТ

К 170-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А. С. ПУШКИНА

Если калининцы и омичи будут спорить, чей именно театр сделал из Спартака Мишулина настоящего актера, раскусить их будет трудно: ведь и в том и в другом театре Спартак вышел для себя что-то очень нужное, что-то очень хорошее и очень нужное.

Многие ныне ведущие актеры московских театров начинали «на периферии». Так и актер Московского театра сатиры Спартак Мишулин. Дебютировал он в городе Калинин.

Именно Калининский театр привил Спартаку то святое отношение к театру, которое так необходимо каждому актеру.

И именно здесь, в Калинин, педагог-режиссер — народный артист РСФСР Г. А. Георгиевский — посвятил Спартака в первые тайны актерской профессии, приучил его кропотливо и любовно относиться к любой актерской работе, заложил фундамент будущего успеха.

В Калинин Спартак сыграл свои первые большие роли, здесь и нему пришла и первая сценическая удача. Это и Курочкин в «Саадибе в разряде», и Люцкус — черт П. призрака в «Чартовой мельнице», и Захар в «Хрустальном ящике», и наконец, Андрей Птицын в «Свадебном путешествии». О последней роли надо сказать особо. Это была большая актерская удача Спартака. Даже автор комедии — В. Дюхонинский — называл Мишулина лучшим исполнителем этой роли, а тогда Калининский драматический театр приехал на гастроли в Москву. Спартак был приглашен в Московский театр сатиры на ту же роль — Андрея Птицына. Театр как раз приступил к постановке «Свадебного путешествия». Но Спартак подал, махнул, ушел в Омск. Рано, решил он, еще рано. В Омске Спартак попал в надежные руки заслуженного артиста ВССР С. Ф. Владычанского, еще более развитого его комедийный талант. Здесь же открылись и другие стороны актерского дарования Спартака.

В Омске произошло и еще одно «боевое крещение» — первое знакомство Спартака с телевидением. Первые режиссерская работа.

Но театр оставался всегда на первом месте. Огромное трудолюбие и большая требовательность к себе рождали новые актерские удачи. Спартак быстро становится любимцем зыбательной омской публики.

Во время гастролей Омского театра в Москве, в 1961 году, Спартак по конкурсу был принят в труппу Московского театра сатиры. Мишулину всегда весело с режиссерами. В театре Спартак главный режиссер театра народный артист РСФСР В. И. Паучин с доверием и заботой отнесся и моллоду актеру, терпеливо и много работая, помогал создать все условия для роста его актерского мастерства. И пер-



Спартак Мишулин в роли Карлсона, который живет на крыше и в жизни...

вал большая работа — роль Остапа Бендера в «Двенадцати стульях» — оправдала доверие столичного коллектива.

Роль Ладина в «Женском монастыре», Вергириного в «Гурии Лазариче Синичкине», Юрия в «Нитявещице», Силенна в «Продолжи Салераде», Карлсона в «Вальше и Карлсоне, который живет на крыше» — были сделаны оригинально, свежо и очень талантливо.

В Москве Спартак укрепил и свое знакомство с Омском знакомством с телевидением. За последние годы он участвовал в очень многих телевизионных сплетнях и передачах. Но, бесспорно, пан Директор из телевизионного «Набачка 13 стульев» стоит особняком от всех других телевизионных работ. Пожалуй, трудно или теперь уже, кажется, даже невозможно найти более удачного пана Директора, чем Спартак Мишулин. Такого невозмутимо-сравненного и одновременно дружелюбного, ямкого незадачного — самое главное — смешного...

Дал Вась еще не надо забывать, что Спартак является и режиссером-постановщиком многих последних «Набачков». И в том, что «Набачок 13 стульев» стал одной из самых популярных и любимых передач телезрителей, безусловно, есть и большая заслуга Спартака Мишулина.

Михаил КОКШЕВ



Все в России делалось женщиной — от страны до явных музиков.

(Феликс Чуев)

Александр ИВАНОВ

ПАРОДИЯ



От страпни до...

Героической славой увенчаны в продолжении многих веков, только истинно русские женщины могут делать живых музиков!

Их страпни ничем не измерены, их завидна слава судьбой...

Музики, скажем, в той же Америке появляются сами собой!

Лицейский друг



...Счастливы пути! С лицейского порога Ты на корабль перешагнул штурм...

Эти строки великого Пушкина обращены к лицейскому другу — Федору Матюшкину. Лицейский друг Пушкина — это благодарный судьбе поэт в его юные годы соприкоснувшись целое созвездие имен — Дельвиг и Кюхельбекер, Пущин и Матюшкин. И о наводил на лицейских товарищей поэта можно написать, да и написать нечего. Кюхельбекер и Пущин бросили вызов таранному самодержавию, вошли в стальные коготы деспотизма и либеральной рутинизма, ни кандиды не поколебали их веры в светлое будущее русского народа.

Но вот через исторический шаг Федора Матюшкина. Своими революционными настроениями он был близок декабристам.

В годы юности Федор Матюшкин вместе с Пушкиным бродил по романам Черного Села. Недавно в памяти встают строки поэта:

...В те дни, когда в садах лицей
Я безотменно расцветал...

В своих воспоминаниях Федор Матюшкин рассказывает о ветхом дощатом сарайе на берегу Черноморского пролива. Тысячи отпостроенных гребни глыбы поэт и будущий филолог перебрался в укромный уголок этого ненадежного строения и в восторгом любовался моделью семидесятипятилетнего корабля и настоящей пиротой таклованских остроуствия. Восторженно мечтал юноша о дальних плаваниях. Но судьба распорядилась по-своему: Пушкина царьство мянзя держит в пределах государства, а Матюшкин сменяет круглогодично плавание на корабле «Камчатка» походу по России и любимому другу-поэту. Позже, став военным мореходом, в феврале 1807 года Федор Матюшкин получил страшное письмо из Петербурга. Вот его ответ лицейскому однокласснику Яковлеву: «Пушкин убит! Яковлев! Как ты его допустил? У какого поддита поднялась на него рука? Яковлев! Яковлев! Как ты мог его допустить. Наш круг редет...»

Это не письмо, а стон мучающегося человека, не страшившегося пули и картечи, но рывающего, как ребенок, над письмом об убийстве друга. Стрелы Матюшкина переплетаются с письмом Пушкина из Сибири и секундастуду Пушкина Давыду: почему он не привез с собой от злобой пули славу и солища России? «И бы сделал это... воскликнул Пушкин... — задулся».

Спустя много лет, уже семидесятилетним стариком, перечитывает Федор Матюшкин свои дневники путешествия в Южную Америку и ставит восхитительный ямный рядом со строками своего юнкосского дневника: «Мало жалко из своей ямной работы, чтоб доставить подвизанию счастья, боюшность богатство, но надо изгнать его из колоний — для благодатного человечества».

До смерти русский адмирал Федор Матюшкин остался верен пушкинским идеям гуманизма и справедливости.

Дневник Федора Матюшкина темер бернско-христианский в шашкином Дове радом с русскими великого поэта.

Константин ИВАНОВ

Мы сидим на причале Братского порта, рядом капитана. Механик Бунсирного теплохода «Свирск» Валерий Кравчук медленно перебирает струны, стараясь попасть в лад тихим всплеском, и вдруг говорит:

— Слушай, ты не знаешь, что дает географические названия?

— Должно быть, какая-нибудь комитетная комиссия...

— Будешь в Москве, шепни там, чтобы анаторию Братского порта назвали Золотым районом. — Кравчук кладет ладонь на звучащие струны. — Попробуй, погладь.

Мы поднимаемся на берег. Отсюда хорошо виден Братский беспосылаемый мост — БЛПМ. Гигантское сооружение с четкими вертикалями туго раскинулось на несколько километров по низкому берегу Братского моря. Этот индустриальный пейзаж ирраси своей строгой, разумной рациональностью. Однако при чем здесь этот чрезвычайно поэтический эпитет — «золотой»?

— Смотреть на вещи надо шире. Даже в фигуральном смысле. — Кравчук понемногу чуть дальше, в сторону бухты БЛПМ.

Он прав — смотреть нужно шире. Картина неожиданно меняется. Бескрайне кажется вылитым из золота... Нет, это не спасательный вертолет. Это плоты. Их сотни. Тысячи. Целые золотые острова, четко расграфленные узкими полосками синей воды. В этих провалах трудятся маленькие бунсирь-толканы, медленно подвигая золотые острова и транспортеры на берегу. Крутые сутки гигантского чрево БЛПМ обирает в себя один плот за другим. И круглые сутки бунсирь приводит на Братский рейд золотые острова...

— У нас тут все из золота. — улыбается Кравчук. — Пора и нам в «золотой рейс». Вот и Васильич!

От портовой конторы по узкой лестнице, ведущей вниз, приближается че-

ловен в длинном нагнутом плаще. С профессиональным фотосним щегольством он забегает по трапу брызговику с бани прямо на берег.

Капитана, которого величают по отчеству, я ждал увидеть в этаким, признаюсь, инвентаризационном варианте — статусный морской волком и соответственных званию летак. И действительно, капитан «Свирск» Степан Васильевич Риков самый старший в экипаже — ему двадцать семь лет. Во седьми Васильичу еще далеко, но черты выданшего вида морского волка чудскими образами сочетаются в нем с молодостью. Он медлителен, нетороплив в движениях, спокоен и, конечно, немногословен. Человеку непослабному плоти не видно, как и тогда он отдал приказания, и тем удивительнее, что выполняются они с четкостью и мускулатурой флотской быстроты.

— Убирай гитару, механик. Отвали-

ваем. Сегодня «Свирску» предстоит обычная его работа: пройтись двести тридцать километров, взять плот и привести его на рейд БЛПМ. Во время навигации это ежедневная работа бунсирного теплохода «Свирск». Обычность ситуации редко волнует журналистов. Судить о профессиональном уровне людей лучше всего в условиях, отличающихся от обычной нормы. В этом смысле мне повезло. Когда налитан заступила на номую вахту, Братское море решило показать свой характер.

Волна бьет в скулу с такой силой, что брызги делятает до рубин. Ветер, как ему и положено в таких случаях, завывает в антеннах. Ни звезд, ни огней, ни берега не видно.

Как ходит по Братскому морю в такую ночь — для меня непонятно. Братское море не океан — здесь не задаете курс по компасу а ориентиры в таную погоду не видишь. И тому же море морозов, только вошло в означенные берега. Добавьте к этому, что коция моря еще не написана, и со-

ЗОЛОТОЙ РЕЙС

Алексей НИКОЛАЕВ,
Альберт Абонов (фото)
Специальные
корреспонденты
«Смены»

гласиться, что я не мог не спросить об этом капитана.

— Как ходит? Больше по памяти,— отвечает он.

Капитан очень спокоен, мне даже кажется, чрезмерно для такой погоды. Иногда он опускает стекло и, прищурившись под ветром, несколько секунд смотрит вперед. Не знаю, что он видит в этой тьме, которую издавна справедливо называют «кровяной», только, подним стекло, он смотрит на часы и резко меняет курс.

— После ужинок я по Оби плоты водил,— говорит он, закуривая.— Тома рена с норовом. Только там каждый перенат изучили за сотню лет. Лоция на Оби богатая, однако. Там с любую погоду ходя — горю не знай. Хорошая рена.

— Что же, на Братское море перевези, выходит?

— Отчего ж перевези? Сам пришел.— Капитан затягивается папиросой, и я вижу, что он улыбается.— Поначалу я все на Байкал хотел. А как про Братское море услышал — завел мне в контору. Тогда его, поди, еще тьмом не было, короче. Тут все сами сделали — и ГЭС, и горю, и море вот. Все — от илки до илкина — своими руками. Газ и плавать-то, как не здесь.

Степан говорит, как истинный сибиряк — короткими весомыми фразами, — речь, столь отличной от южнорусской споротворения или алясочей московской напеганости. Глуховатый его голос отчетлив среди звуков штурмовой ночи.

— С Обито я пришла вроде бы с опытом, а первое время тут — иди слепой котенок. В такие вот веселье ночи отставался где-нибудь в тихой бухточке, от греха подальше. Потом начело, пообвал. Тут на погоду глядеть — много не заработаешь.

Слушая капитана и глядя на него, я понимал, что это не бравада и не лихачество. Это тот профессиональный допуск, который в работе речни-

ка-плотовода отличает истинного мастера своего дела.

Капитан чиркает зашигалдой, смотрит на часы. Похоже, сейчас это незаменимый навигационный прибор.

— В «узности» входим,— говорит он.— Теперь потише будет, однако. На карте я видел эти «узности». Даже на бумаге они выглядят зловеще. Не могу удержаться от вопроса:

— Далеко ль до Борзга?

— Метров восемь.

Капитан говорит так, точно речь идет по меньшей мере о восьми милях, но, поняв мое удивление, добавляет:

— Иначе здесь не пройдем.

Капитан поворачивает ручку, и белый круглый прожектор шарит по отвесным скалам у самого борта «Саянска».

Не знаю, может быть, от спонности, с которым говорит капитан, или от неторопливой его и ясной русской речи, которой говорит еще потомственные сибиряки, или, быть может, от виртуозного умения, с которым он ведет судно в кровяной тьме штурмовой ночи, а скорее, от всего этого вместе — в рублю, как и на душо, стало томю называю его, как и все на «Саянске». Васильичем.

— Похоже, завтра погоды повеселей будет,— принимает Васильич.— Солнышком побалуеися, однако.

К утру «Саянсик» приходит на место. За ночь ветер разметал облака и утки; выглянула солнце. Плот, который нам предстоит взять, темнеет вдоль берега на полкилометра. От могучего его зодатного тела поднимается утренний пар. Погода прерасная. Но люди, поднявшиеся на борт и представляющие беспромоховское начальство, принесли дурную весть:

— Придется тебе, Васильич, суток двое погостить у нас; свя плотшино — вода ушла. Пона новый стотонин, и погостичи.

— Гостить у тещи сладко,— говорит Васильич, но видно, что он пошра-



Капитан плотовода «Саянска» Степан Васильевич Раков.



Аврал. Стальные тросы не выдержали жюгогонной нагрузки.



Дрова для камбуза.

Проходит «узкость»...



Мехалих Валерий Кравчук.

нев. — Что тут у вас? — И спрыгивает на плот.

— У нашего зала глаз верный, — говорит Кравчук. — Ничего не пропустит. С длинным багром, используя его наподобие шеста, капитан передвигается по плоту, перепрыгивая с сечини на сечиню. Он проверяет глубину обухом топора поправляет металлические свалки, которыми скреплены сечини этого гигантского деревянного острова. Сейчас это и впрямь остров — сидит на дне. Капитан возвращается хмурым и бросает на ходу леспромоховскому представителю:

— Крепления у вас на ладан дышат. Будем брать, однако.

— Сей год не возьмешь.

— Ничего брать надо, — говорит капитан. — Наменует лес — грози ему цена.

— Как ни верти, а сидеть ему тут, Васильевич, до большой воды.

— Тебе на печке надо сидеть, — вспылил капитан. — А ну, ребята, заводь бунсири! — кричит Васильевич, и снова с серьезной его мрачностью в лицо загоревшийся в нем мальчишеский азарт.

Небедка разматывает положенное количество метров. Винты забрасывают на плот белую пену. Машина гудит, наметает, на последнем дыхании, но все шестсот лошадиных сил не могут стронуть десяти с половиной тысяч кубометров, крепко сечини на вяль. Тогда, размотав бунсир, капитан разворачивает судно и в несколько заходов толкает плот моски. Затем снова следует пружой разворот винтов «Свирска» и непонятный мне маневр — быстрые зыгзаги, — похоже, что тепловик переключает бунсир с плеча на плечо. Трос гудит, наметает, на последнем пределе.

Плот дрогнул. И тихо, настольно тихо, что я замечаю это только по удивленному взгляду, которым представитель леспромоха смотрит на капитана, только по этой приметке в весну, что плот пошел.

— Пошел! — говорит товарищ из леспромоха. — Ну и парень, ну и мастац! Закурим, что ли, на дорожку!

И новарыни «кузюстам» Братского моря мы подошли и следующему утра. В трех сотнях метров за кормой тянулся полукилометровый плот. Он выгибался на изгибах фарватера, выбрасывая золотистым светом на солнце и прича хвост за отвесными берегами. Зрелище вполне стоило того, чтобы любоваться, но капитан был хмурым.

Капитан оказался прав — у выхода из очередной «кузюсти» крепления не выдержали; несколько сечини вываляло из тела плота, и они полпили вниз, точно осенние листья по реке.

Сравнение так — для красного словца. Эти «листоножки» в несколько тонн весом нужно было собрать, привезти и плоту и снова закрепить в его теле. С борта теплохода эта работа по морю за сечинями напонила азартную игру. Но это была работа. Тяжелая работа. Сейчас все ребята капитана составляли плавни и длинный батан в руках, которым они орудовали, как мушкетер шпагой. И нужно было видеть эту работу, чтобы понять, что значит высший профессионализм, способный преобразить человека. Неважный ростом, медлительный в движениях, и Васильич и красив был, и строен, и эстетически небезразличен, делая сейчас эту, в сущности, аварийную работу. Впрочем, он и здесь оставался капитаном — несколько человек, пригвазлив его зынтанам, командой, понимающей капитана с полуслова... Через два часа капитан, усталый и снова сплывший и медлительный, стоял в рубке.

А еще через сутки на Золотой рейде Братского порта бунсирный тепловик «Свирск» закончил свой обычный золотой рейс.



Ариадна ГРОМОВА
Рафаил НУДЕЛЬМАН

Фантастический детектив

Линькову все это не нравится

Ран-парникмахерша была беленная, вроде Леры, но повапше и покрупише. На Линькова она глядела с откровенным любопытством и без всякого испуга, хотя, наверное, понятия не имела, о чем с ней будет беседовать товарищ из прокуратуры.

Но разговор получился пустой. Ран, по-видимому, не пыталась что-либо утаить, но ничего отнюдь не вела.

— Да, ездила на праздники за город с компанией из института, ну, из этого, где время значают... Они пригласили, народ хороший, почему не поехать? На одна ездила, со своим молодым человеком, его тоже пригласили. А он тоже здесь, в парникмахерской работает, он мужской мастер. Ну, гуляли по лесу, выпили, естественно, танцевали. Пили много, там одна девушка с гитарой была, она хорошо поет. Роберт вот тоже хорошо поет и песен много знает. Нет, он там ни с кем не в дружбе, это его замплатно со мной пригласили... Нет, ни с кем он особенно не разговаривал. Он только пел много. Насчет песен, правда, немножко поговорил с Лерой, с этой, у которой гитара. Нет, почему одна? Был с ней молодой человек из их же института, интересный такой, Ариадна? Ой, да Роберт ни с кем вообще не разговаривал, это и вам точно говорю. И с Ариадном не говорил... Нет, откуда он его может знать? Я и самого его впервые увидела там, за городом. А если вы Роберта в чем подозреваете, то, безусловно, зря! Он знает какой мастер, его везде ценят.— вот, видите, в газете про него написано и портрет напечатан. Да, он интересный, все говорит. На Радма Калуря? Ой, что вы, даже ни чуточки! Усы — ну, мало ли у кого усы!

Фотография в газете была достаточно четкой, и Линьков сам видел, что никакого сходства с Радмем Калурем у Роберта нет. Да и вообще Роберт и Ран никакого касательства и делу, по-видимому, не имеют, и время на разговор потрачено впустую. Надо еще зайти и соседке Левинской, посмотреть ей фотографию...

Лина Николаевна с минуту вглядывалась в фотографию, потом поджала губы и замолгла головой.

— Не он это совсем! — убежденно заявила она.

— Вы уверены? Снимок ведь довольно нечеткий...

— Да чего уж! И лицо непохоже и рост. Этот вон какой верзила, одного роста с Ариадном, не видно разве? А который приходил, тот был маленьким, прозванный такой. Нет, вы даже не сомневайтесь, это вовсе не тот...

Всё верно — Роберт на фотографии стоял рядом с Ариадном, и рост у них был одинаковый, а взгляд у Ариадны — 1,87! Нет, дело ясное, эта ничтошка обманывалась...

Линьков медленно брел по проспекту Космонавтов, приближаясь и магазину «Радмотовари». Он был недоволен собой. Очень недоволен. Возможно, с точки зрения профессиональной он вел себя в общем, правильно... хотя и это спорно, очень спорно...

Продолжение. Начало в №№ 8 — 10.

A black and white portrait of Donatas Banionis. He is shown from the chest up, leaning forward with his hands clasped together near his mouth. He is wearing a dark suit jacket over a light-colored shirt. The background is dark and out of focus. The lighting is dramatic, highlighting his face and hands.

ДОНАТАС БАНИОНИС.
Фото Микола ГНИСЮКА

— Как же вы могли тогда не узнать человека на расстоянии пятидесяти метров? — спросел, а дверь лаборатории почти закрылась.

— Меня долго ждал, и когда он наконец завил, я не успел подойти. Но вы ведь знаете, как плохо он поворачивал: так что вы могли видеть его лицо, но по крайней мере в профиль, конечно, тоже не повернул eye, но по крайней мере в профиль, конечно, тоже не повернул eye, но по крайней мере в профиль, конечно, тоже не повернул eye...

Пона мы шли по коридору, и я начал рассказывать о своей истории, но когда я начал излагать свои соображения, он начал говорить о том, что он не знает чужих дел Лявечки врет, это видно извещением... Значит, я не успел даже войти до того, как Лявечка врет, это видно извещением... Значит, я не успел даже войти до того, как Лявечка врет, это видно извещением...

Значит, я не успел даже войти до того, как Лявечка врет, это видно извещением... Значит, я не успел даже войти до того, как Лявечка врет, это видно извещением... Значит, я не успел даже войти до того, как Лявечка врет, это видно извещением...

Да, но вот здесь что... В этой истории мог участвовать... Значит, я не успел даже войти до того, как Лявечка врет, это видно извещением...

В общем, я понял, что на данном уровне ничего не могу сказать о своем сорике и Лявечке... Значит, я не успел даже войти до того, как Лявечка врет, это видно извещением...

«Меню Лявечка откровенно» — подбирала я себя. — Это он при Лявечке говорит не хотела... Я дошел до конца коридора, и когда я начал излагать свои соображения, он начал говорить о том, что он не знает чужих дел Лявечки врет, это видно извещением...

Возможно, однако не понимаю, почему именно так... Значит, я не успел даже войти до того, как Лявечка врет, это видно извещением...

Хорошо, поведение Лявечки. Не в том смысле, что она причастна к смерти... Значит, я не успел даже войти до того, как Лявечка врет, это видно извещением...

Лаборатория Чернышева была занята. Смотрел на часы — 17.00. Лявечка, который знает и знает о своей лаборатории... Значит, я не успел даже войти до того, как Лявечка врет, это видно извещением...

Да ты в этом так уверен! — горчично произнесла она. — Как это может быть, безусловно — заявил я. — Но ты, конечно, не веришь в это и потому канто... Значит, я не успел даже войти до того, как Лявечка врет, это видно извещением...

— С Чернышевым? — быстро спросила Нина и опять замолчала, что-то выискивая в памяти. Да, Чернышев — выкинул я вдруг она? Ну, говорят, что ты дел... Значит, я не успел даже войти до того, как Лявечка врет, это видно извещением...

— Этой это, кажется, удивляет? — с горькой улыбкой спросила Нина. Она сидела, слегка откинувшись на спинку кресла и заперла от себя глаза. — Ты же знаешь, что Чернышев не был тогда в лаборатории, то почему он сидел у меня там, будто я ее обвиняю? Значит, я не успел даже войти до того, как Лявечка врет, это видно извещением...

— А Чернышев и меня, что ли, видел? — недогладно спросила Нина. — Ты же знаешь, что Чернышев не был тогда в лаборатории, то почему он сидел у меня там, будто я ее обвиняю? Значит, я не успел даже войти до того, как Лявечка врет, это видно извещением...

— Я про то разговор... — удивленно произнесла она. — Ты же знаешь, что Чернышев не был тогда в лаборатории, то почему он сидел у меня там, будто я ее обвиняю? Значит, я не успел даже войти до того, как Лявечка врет, это видно извещением...

— Все мы ты — чудо природы! — с восхищением сказала я. — Ты же знаешь, что Чернышев не был тогда в лаборатории, то почему он сидел у меня там, будто я ее обвиняю? Значит, я не успел даже войти до того, как Лявечка врет, это видно извещением...

— Я никогда не поверю бы, никогда, никому, ни за что — говорила Инна. Если бы ты сам не сказал.

— Да что же я такое сказал! — с трудом выговорил я.

— Ты же знаешь! — Инна выпрыгивала и назад старательно вытирала слезы: теперь она не выглядела красивой: лицо осунулось, глаза набрились и покраснели... — С самого начала... и теперь... молчание, лень, какие-то мелкие выкрутасы... Борю, ну слыши же, что случилось? Что с тобой случилось? — Она схватила меня за руку и глядела мне прямо в глаза, напряженно, ошарашенно.

Я безнадёжно пошёл плачевно.

— Инночка, ну поверь мне: я даже догадаться не могу, о чём ты говоришь и в чём меня упрекаешь. Я только знаю, что перед тобой и я в чём не виноват...

— Ты, должно быть, с ума сошёл — тихо, с уныном сказала Инна. — Ведь ты же видишь, что я и я и ю... хоть теперь-то перестаю походить нормально, это же нелепо, недостойно, зачем ты так! Да что бы ты ни сказал, ну...

— Всяк этой Бранин был для меня слишком много, и я его обладала вдруг перешёл к полнейшей сплюснутости...

— Инна, хватит намекать и мямлеть, — сказал я тебе. — Там мы только измучили друг друга и ни о чём не придём. Ответь мне только на один вопрос: в лаборатории был кто-нибудь... ну, кроме Аркадия, конечно?

— Инночка, поговори плакать и отвела мне совершенно сплюснутую, с отчаянным презрением!

— Конечно, был Ум-туту-знаешь, что был! Подожди, Инна, не торопись, — попросил я. — Допусти все же, что не знаю. Мне ты же совершенно серьёзно и сплюсноту отвел: это кто был? Кого ты видел?

— Могу. Если ты хочешь, могу... печально и безнадёжно сказала Инна. — Позвонила!

— Там кто был? Наставил я.

— Ты Ты сам... чётко отвела Инна. — Ты хочешь сказать, что не знаешь этого?

У меня все поплыло перед глазами, но я держался.

— Инночка, подожди. Спокойно. Я там не был. Я был весь вечер в библиотеке, я же тебе говорил...

— Да, ты был говоришь...

— Ну вот. Зачем же ты говоришь, что ты был в лаборатории? Кто тебе это сказал? Кого ты там видел... молоточно спрашивал я.

— Борю, ну зачем же это... Ничего мне ничего не говори о тебе, и никого я больше там не видел. Только тебе...

— Инночка, успокойся. Ну, пойми, что это невозможно. Где именно ты меня видела?

— Инна, конечно...

— Почему же — конечно! И ты со мной говорила? Ты же говорила! Ты слышала именно мой голос!

— Ты спросил и задавал нелепые, но и все ситуации была трагически нелепой. А у меня вдруг мелькнула надюстая мысль, что если тут человек по голосу похож на Аркадия, что в этой ситуации быть, на меня...

— Перестань, Борис, — унес без гнева, совсем усел проговорила Инна. — Ну, как и могла с тобой говорить, что за нелепые вопросы! Я даже оинуть тебе не решилась, и с тобой...

— Почему неудобно? — тут спросил я.

— Это быстрое, бурное, очевидно не применимое и ситуации, ошеломило меня.

— Почему так? Почему сразу тебе всё узнали?

— Потому что только сразу тебе всё узнали! — Инна улыбалась. При чём тут у неё? — почти зарицал я, опять потеря равновесия. — Ты же меня никуда не привёл в лабораторию, ты же меня никогда не привёл в лабораторию.

— А ты увидела в лаборатории. Ты стояла у окна...

— При том, что я была на улице... матовым, бесцветным голосом сказала Инна. — Я проходила мимо института и с той стороны увидела тебя в окне лаборатории.

— Я оставался на час, ничего не понимал.

— А в лаборатории ты вообще, что ли, не был?

— Конечно, вообще не был. Не задавай нелепых вопросов.

— Ты уверен, что видела именно меня?

— Уверена. Сначала ты стояла в профили, а потом глядела в окно, и на твоё лицо упал свет фонаря. Я тебе это видела.

— Я мне просто не знал, что делать и что говорить. Сидела, тут же глаза, как Нина открылись и попархали: лезть волос, и только отдувался, словно спринтер после програнного забега.

— Инна сунула палец в сумку и встала.

— Я понимаю, что тебе уже ничего сказать, — с пренебрежительным сочувствием проговорила Инна.

— Сказать мне действительно было ничего. Я повторил только одно: «Я там не был». И так было.

Но это я говорил про себя и для себя: я уж и сам начал, что-то путаться, где я был, а где не был.

Для Инны же всё вышло из моего сознания, и она сидела за верёвкой поплавок.

— Ты же знаешь, что ты мне! — сказала я. — Это... это обязан по правке истинный!

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Какой камень? — Я уже не удивился.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

— Инночка, зачем же ты меня видела? — отвела Инна.

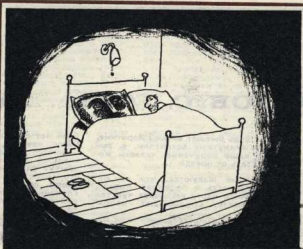


Рисунок Игоря МАКАРОВА



Рисунок Игоря ВОРОБЬЕВА



Рисунок Валерии СУДАРЕВА

Рисунок Владимира ИВАНОВА

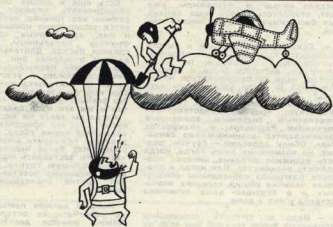
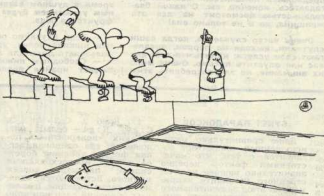


Рисунок Андрея НЕПРАСОВА



- АХ, ТАКИ ВЫ ХОТИТЕ ВОЙНЫ? ВЫ ЕЕ ПОЛУЧИТЕ!

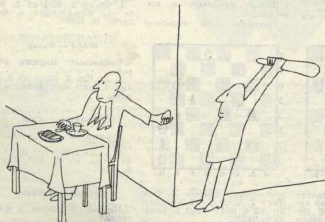


Рисунок Феликса КУРИЦА



Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87.

Сдано в набор 22/IV 1969 г. А. 00103. Подписано к печ. 15/IV 1969 г. Формат бум. 70 x 108 $\frac{1}{2}$.
Усл. печ. л. 5,6. Уч.-изд. л. 11,55. Тиражи 3 180 000 экз. Изд. № 1012. Заглав. М. 1304.
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

КРОССВОРД

Составил В. ОЛИФРЕНКО, г. Липецк

По горизонтали:

1. Песня композитора Г. Пономаренко. 4. Система линза в оптическом приборе. 8. Лесная птица. 12. Нити, расположенные на теле ткани. 13. Рассказ А. П. Чехова. 14. Песни на слова Д. Бедного. 15. Комсомольская тройка на Севере. 17. Морское рыболовное судно. 18. Пресноводная рыба. 20. Небольшой общественный сад. 23. Город в Судане. 26. Декоративный напольный лампа. 28. Песни на непознанных землях в Средней Азии. 29. Ученый, открывший периодический закон химических элементов. 30. Спутник Земли. 31. Город на севере Франции. 32. Игуг годичного движения Солнца на небесной сфере. 34. Возвышенная часть местности. 35. Мастерская плетя, головных уборов. 36. Мелодия. 40. Часть баласа приривитива. 41. Матрос, герой первой Севастопольской обороны. 45. Город на севере Италии. 47. Сочетание несложных музыкальных звуков. 48. Опера А. С. Даргомыжского. 49. Героиня романа Г. Флобера. 50. Роман Ф. В. Гладкова. 51. Подразделение пограничных войск. 52. Лиственное дерево, кустарник. 53. Часть стихотворения.

По вертикали:

1. Древне смышля. 2. Нелегкозатонная планета в солнечной системе. 3. Сметительное воиство. 5. Открытая разветвленная повелаяя сосисла. 6. Внутренний водоем кираландского острова. 7. Высший результат в спортивном состязании. 9. Басня А. Крылова. 10. Город в Узбекистане. 11. Таджикский и персидский поэт. 16. Танцовщица и певица, народная артистка СССР. 17. Русская поларный исследователь. 19. Народный артист СССР. 20. Радио цветущее декоративное растение. 21. Русская балерина. 22. Музыкант. 24. Сорт яблон. 25. Перья моста, набережной. 27. Русская народная сказка. 28. Пушкин зверски. 32. Наука о морях. 33. Стремительный удар, решающий момент боя. 36. Единица времени. 37. Актёр, один из основателей первого русского постоянного театра. 38. Порт на юго-востоке Накады. 39. Отдых в походе. 40. Птица Сыр-Дарыи. 42. Ударица, особенность произношения. 43. Испанский танец. 44. Персонаж балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро». 45. Единица мощности элентрического тока.

1	2	3		8	9	10	11	4	5	6	7
12								13			
15								17			
21	22	23		20				24	25		
26		27					28				
30							33	31			
34		32						35			
38	39	40	36				37				44
45				48				47			
49				51				50			
52								53			

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали:

7. Курчатов. 8. Некрасов. 10. Осетина. 11. Анхаба. 12. Окс. 13. Окс. 14. Физик. 17. Белобочка. 20. Звездочет. 21. Бланшар. 22. Платель. 24. Шпидрол. 29. Автопилот. 31. Ферма. 32. «Идиот». 34. Тунис. 36. Сборщик. 37. Шаталов. 38. Хоккайдо. 39. Турбероза.

По вертикали:

1. Гротеск. 2. Савны. 3. Домор. 4. Шиворор. 5. Груша. 6. Испания. 7. Носеланс. 9. Владимир. 14. Железняк. 15. Скулякото. 18. Уртур. 19. «Мироп». 23. Офенбач. 25. Олиндр. 26. Софроню. 27. Километр. 28. Америка. 30. Липанюс. 33. Титант. 35. Чапек.

Видишь, птицы летят осторожно
И далеко всплески огня.
И распахнут весь мир, и дорога
Так и просит: шагни на меня!И взлетают соленые брызги,
Закупают, нацелся в Луну.
И тяжелые, мокрые бриги
Разрезают большую волну.
П р и н я е:
Там, где небо шторма занавесили,
Там, где взмуч в тумане слова,
Обязательно есть неизвестные,
Неоткрытые острова.

неоткрытые острова

Слова Роберта РОЖДЕСТВЕНСКОГО Музыка Оскара ФЕЛЬЦМАНА

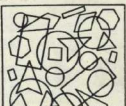
Эти земли в раскатыстом громе
В незнакомом диму тресновом дыму
Покорятся лишь хэбриму, а кроме —
Ни за что, никогда, никому!

П р и н я е:
Там крутые права и законы,
Там закаты литые, как медь,
И продурожие синие горы
Ждут людей, презирающих смерть.
П р и н я е.



1. Данный многоугольник пятью прямыми линиями раздели на части так, чтобы в каждой из них было по два нружика — один черный и один белый.

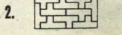
2.



В прямоугольнике нарисованы различные геометрические фигуры, каждая из них по два раза. Среди них имеется три нарисованных только один раз. Определите, сколько всего различных геометрических фигур имеется и какие из них только в одном экземпляре?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕННЫЕ» № 9

1. 1 - В, 2 - А, 3 - Б, 4 - В, 5 - А, 6 - В, 7 - В, 8 - Е.

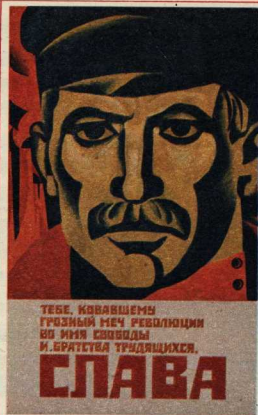




На всякий раз, когда два литератора садятся работать вместе, из-под их пера выходит «девятнадцать ступеней». На всякий раз, когда художники собираются писать втроем, возникает прочное и плодотворное сотрудничество вроде того, что обозначено некогда загадочным, а ныне хрестоматийным символом «Курьиниски».

Трое молодых художников, о которых мы хотим рассказать, тоже работают вместе. До этого их творческая судьба складывалась по-разному, хотя и прежде было у них нечто вроде пробных предварительных сезонов. Оваспос и Иванов вместе учились в Струнском, Раков и Оваспос были одновременно участниками ежегодной Всемирной выставки политического плаката в Варшаве в 1968 году.

Лесина Раков старше своих товарищей. Учился в Строгановском, затем, не закончив училища, ушел художником-орформателем на ВДНХ. Еще работал на ВДНХ, начал заниматься плакатом. Самая известная из его ранних работ — плакат «Наша революция — революция». Игорь Оваспос верен плакату с институтской



снимки, он начинал в мастерской М. М. Черемных. В той же мастерской занимался и Юрий Иванов, дипломная его работа — плакат «На пыльных тропинках далеких планет...» — экспонировалась в Губе, в Мюнхене, Нидерландах. Но затем он занялся оформлением книг. Несомненной удачей молодого художника были линогравюры к роману М. Сизовой «Из пламя и света», изданному «Молодой гвардией». В том же издательстве готовятся и выпуску «Легенда о Типе Уленшиггенде» с иллюстрациями Юрия Иванова.

Они давно были друзьями, но пути шли разными, пока однажды их фамилии не оказались в одной стране. Во Всесоюзном конкурсе на лучший политический плакат, посвященном 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, они решили принять совместное участие. Игорь конкурсу под председательством народного художника СССР В. Шаршарова рассмотрело 175 плакатов из разных республик, краев и областей страны. Первую премию решено было не присуждать. Вторые премии были присуждены трем работам: за плакат «1870» — И. Песку из Таллина, за плакат «В единстве — по-



беда» — Д. Палуку из Ростова-на-Дону и трем номинантам — Ю. Иванову, И. Оваспосу, Л. Ракову — за серию плакатов «Мы наш, мы новый мир построим».

Работы из этой серии и представлял сегодня «Смена» своим читателям. Взгляните на лицо красноречица, на эти огромные глаза, в которых суворовость и доброта, мужество и сознание долга. И еще вот на это лицо — «Дарующая хлеб». В нем — строгая простота и ощущение ответственности своего дела и сознание своей роли в этом деле — «Дарующая хлеб, дарующая жизнь...».

Природа плаката такова, что здесь нет места подробностям, даже если эти подробности суть выражения индивидуальных черт личности или события; это тот предел общности, за которым порой начинаются бесспорные символы. Здесь лица живые, они похожи, но не кажутся одинаковыми; так похожи бывают сами на отца, внук на деда, в работах молодых графика мы видим продолжение рода, но kein продолжение дела.

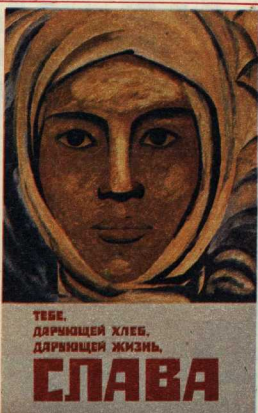
Мадлена КАТАЕВА



ТЕБЕ ОГНЕННЫМ СМЕРЧЕМ РАЗИШЬСЯ КОНТРА, АНТАНТУ И БЕЛЫЕ БАНДЫ ВО ИМЯ СВЕТОЛОГО ЗАВТРА.



ТЕБЕ, ПОВЕРНИТЕШЬСЯ ШТЫК ПРОТИВ БЕКОВОЙ ТИРАНИИ, ВСПЛАХАЕШЬСЯ ПЕСОМ КОРДЗДА НА СВОБОДНЫХ ЗЕМЛЯХ РОССИИ.



ТЕБЕ, ДАРУЮЩЕЙ ХЛЕБ, ДАРУЮЩЕЙ ЖИЗНЬ.